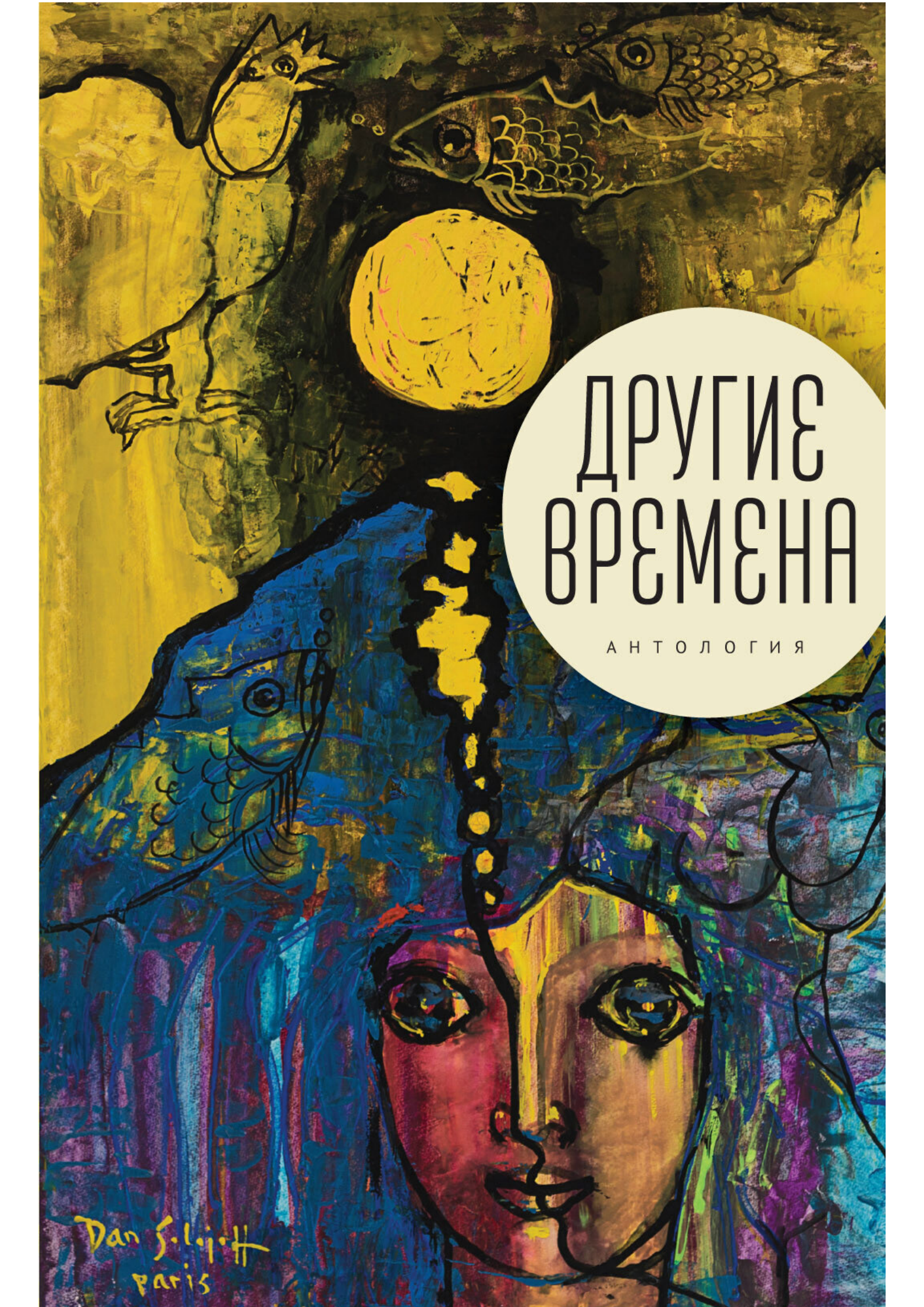

An abstract painting by Dan S. Lijoff. The background is a mix of dark green, yellow, and blue. In the upper left, there's a yellow, fish-like shape with a large eye. In the upper right, there's a yellow, fish-like shape with a large eye. In the center, there's a large yellow circle. In the lower half, there's a large, stylized face with a pinkish-red nose and mouth, and large, dark eyes. The face is surrounded by blue and purple brushstrokes. A black, wavy line runs vertically through the center of the face.

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

А Н Т О Л О Г И Я

Dan S. Lijoff
Paris

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

АНТОЛОГИЯ

Другие времена. Антология

«Алетейя»

2021

УДК 821.161.1(082.21)
ББК 84(2Рос=Рус)6 я43

Антология

Другие времена. Антология / Антология — «Алетейя»,
2021 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-350-9

Эта книга стихов и прозы – о нас, о нашем времени и о том, как законы нового времени меняют нас и наше отношение к миру. «Alia tempora» – говорили древние. «Другие времена» – свидетельствуем мы. Действительно, наше время по разным причинам и признакам можно назвать «другим» – временем обострившихся противоречий и драматических перемен, опасных крайностей и личностной уязвимости. Мы живем в тревожную эпоху отрицания человеческих ценностей, в смутное время нестабильности, неравенства, несправедливости и всеобщей нетерпимости. Об этом пишут сегодня многие. Поскольку наш родной язык русский, именно он и объединил под обложкой этой книги творческих представителей русского зарубежья: поэтов и писателей, художников и фотографов, живущих в разных странах мира. В этой антологии, наряду с оригинальными образцами современной русской литературы – поэзии и прозы, – представлены также фотографии и рисунки. Произведения пятидесяти трех авторов являются не только образцами их творчества, но и документами эпохи, свидетельствующими о том, что настали «другие времена», и что мир становится иным...

УДК 821.161.1(082.21)
ББК 84(2Рос=Рус)6 я43

ISBN 978-5-00165-350-9

© Антология, 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

Михаил Синельников / Москва /	7
Борис Хазанов / Мюнхен /	13
Париж и всё на свете	14
Евгений Чигрин / Москва /	20
Привратник солнца	21
Андрей Ширяев / 1965–2013 /	28
Владимир Порудоминский / Кёльн /	35
Старик на обочине	36
Наталия Орлова / Москва /	38
Виталий Амурский / Париж /	44
Игорь Шестков / Берлин /	48
Нордлинг (отрывок из готической повести)	49
Владимир Бережков / Москва /	57
Дмитрий Гаранин / Нью-Йорк /	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Другие времена. Антология

(сост. Т. Ивлева)

© Коллектив авторов, 2021

© Т. Ивлева, составление, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

* * *

Мы, хранимые в рамах времён...
В. Маяковский

Михаил Синельников / Москва /

Родился в 1946 г. в Ленинграде, ранние годы провел в Средней Азии. Автор 33 стихотворных сборников, в том числе, однотомника (2004), двухтомника (2006), сборника «Из семи книг» (2013) и книги «Поздняя лирика» (2020). Эссеист, автор многих статей о поэзии, переводчик, главным образом, поэзии Востока. Собственные стихи переведены на многие языки. Составитель ряда антологических сборников и хрестоматий, главный составитель в долгосрочном Национальном проекте «Антология русской поэзии». Академик РАЕН и Петровской академии. Лауреат многих российских и международных премий, среди которых национальная премия Антона Дельвига, Премия Ивана Бунина, Премия Иннокентия Анненского, Премия Арсения и Андрея Тарковского, Государственная премия Таджикистана имени Рудаки и др.

Первые воспоминания

Младенчество. Туманное начало.
Дорога прямо в пекло по сугробам.
Там будущая родина встречала
И обдавала жаром и ознобом.

Туда побег из ленинградской дали,
Где жизнь и смерть, любовь и малярия
Ребенка друг у друга вырывали
И обнимали, как Рахиль и Лия.

И наклонялся врач невозмутимо,
И возникали джинны – как назвать их?
И молчаливо проходили мимо
Семь лихорадок в полыхавших платьях.

Вожатый

Во внешности ничего заслуживающего доверия¹.

¹ Frontis nulla fides.

Децим Юний Ювенал

Изысканный сын эфира,
Доподлинный Ювенал,
Он джемпером в пятнах жира
Химчистку обременял.

Добытое на Тишинке
В комиссионку нёс
И двигался на поминки —
Под проливень вдовьих слёз.

Живущий по расписанью
Фуршетов из года в год,
Крутой волосатой дланью
Намазывал бутерброд.

Со всеми запанибрата,
Всё думал: «Нажраться где б?»
А «завтрак аристократа» —
Давно зачерствевший хлеб.

Но скучен без этих шуток,
Фантазии и вранья
Истории промежутков,
В котором застрял и я.

Во мраке лилово-сером
Закатных имперских лет
Водил он меня по сферам,
Оставившим в сердце след.

* * *

Луна туземная всходила,
Саманный озарив дувал,
И выступавшие светила
Отец ребёнку называл.

Ещё узнаю в зыбком беге
Дней исчезающих, горя,
Что были ранние ночлеги
Под небом Азии не зря.

Пойму, что жизнь дана вторая
Мирам, кружащимся в огне, —
Ещё светить, дотла сгорая,
Всезрящей силой быть вдвойне.

Что мыслью вспыхнувшей ответчу
Неотвратимому лучу,
Что вещей черноте навстречу
Со дня рождения лечу.

* * *

Всё снова привычная эта напасть,
Всё та же при встрече беседа
И эта безбожная, темная страсть,
Быть может, любовь сердцеда.

Назойливость эта всё вновь и опять!
Давно уж сойтись с ним пора бы!
Свободна! Казалось, ну что ей терять!
Какая-то придурь у бабы...

Но сердце дрожит и противится всё ж.
Как лошадь она, иль овечка,
С угрюмым хозяином, вынудившим нож,
Не хочет пройтись недалечко.

* * *

Что там вспомнить? Сосны, булку с тмином,
Плоский берег, пленной жизни ход...
Величает встречный «господином»,
А дорогу спросишь, так соврёт.

Был как будто существом единым
Этот неуживчивый народ.

И в войну немногословно-грубы.
Их болотный не страшил туман,
И валили чашу лесорубы,
Донимая псковских партизан.

Это же угрюмое сопенье
Непокорства, злости и грызни,
Превращаясь в хоровое пенье,
Бушевало в праздничные дни.

Петр Дамиани

С тем итальянцем, сумасшедшим слывшим,
В душе сойдешься, доживая век.
«Бог может сделать бывшее не бывшим» —
Должно быть, он в отчаянье изрек.

Не повернёшь в обратную дорогу,

Минувшее истаяло в дыму,
Но есть ответ на все вопросы к Богу,
На поздние претензии к Нему.

Vita Nova

Через столетье после Блока
Взбегал я на ступени
Собора, взмывшего высоко
В сиятельной Сиене.

Он пряничный (мечтанье детства),
Весь празднично-весенний,
Чуть захмелевший от соседства
Заоблачных селений.

Да только мы намного старше.
Не зря прошли, пожалуй,
Чернорубашечников марши
В Европе обветшалою.

За это, за одно хотя бы
Вам новой жизни навык —
Бурнусы эти и хиджабы
С дымком китайских лавок.

Деревня

От рёва ранних певней
Ещё теперь знобит...
Бродил я по деревне,
Внедрённый в сельский быт.

Я с этим бытом сросся,
Вёл поиск в эти дни
Народа-богоносца
Среди своей родни.

И кто-то хаял Бога,
Боялся не Его,
А нового налога,
Но пил под Рождество.

И кто-то в подпол прятал,
Куда за водкой лез
Икону – трансформатор
Энергии небес.

* * *

То карагач корой корявой,

То желудь, найденный в траве,
Грядущей грезящий дубравой,
Напоминают о свойстве.

Случайной косточкой рождённый,
С любовной нежностью храним,
Мой домочадец, ствол лимонный
Стал исповедником моим.

Должно быть, мы исчезнем скоро,
И, может быть, не в первый раз
Уничтожаемая флора
Окажется сильнее нас.

В борьбе корней немой и рьяной
Забудется дорога к нам.
Так в джунглях мощные лианы
Скрывают вход в пещерный храм.

Степановка, Воробьевка

Каргуз дворянский с бородой равнина
И тяжба Музы и Марьи Петровны,
Одышка, беспредельная равнина
И пульс неровный.

Варенье, крендель, кофий, вдоволь сливок
И две любви, березы среди елей,
Стихотворенье – как души обрывок
И взлёт качелей.

И свежий запах вспаханного поля,
И мотылька перед свечой томленье,
И дочка от цыганки, вот и воля
И представление.

И мертвый шар, к мирам летящий новым,
И Млечный Путь, и встречный астероид,
И матери письмо в гробу сосновом,
Который вскроют.

Иностранке

К. Б.

Но есть слова, как, например, «зегзица»...
Всё над веками реет этот звук!
Едва раздастся, и тебе помстится
Плеск Лукоморья, синева излук.

Тысячелетней речи сердцевина,
Горячей сгусток русскости самой...

Здесь брезжит нечто, перед чем повинна
Пустыня говорливости немой.

Я это вам переведу едва ли,
Но есть слова, пронзающие нас,
И «омоцю бебрян рукав в Каяле»
Звучит, чтоб слёзы хлынули из глаз.

Досье

И приключений в том досье немало,
И разговоров, начисто забытых.
Не зря их эта папка принимала,
И, может быть, надолго сохранит их.

Уже давно нет выдачи оттуда,
И всё-таки осталась на бумаге
Постыдная, погибельная груда
Страстей и страхов, приступов отваги.

Ещё не скоро там воспламенится,
В чугунной печке корчась и бледнея,
Летописанья каждая страница...
Так что же долговечней и прочнее?

Чужих признаний неспешный почерк,
Машинопись доносов обветшавших,
Иль несколько почти случайных строчек,
Из глубины заоблачной упавших.

* * *

Антителя антителами,
Но, медленно тесня тепло,
Такое ледяное пламя
В душе бессмертнойросло!

То отвлекаясь на минуту,
То над собой свершая суд,
Она готовится к маршруту,
В который жалость не берут.

И, зная, что не будет краток
Заветный этот перелёт,
Её горячечный остаток
Случайным встречным отдаёт.

Борис Хазанов / Мюнхен /

Борис Хазанов (псевдоним Г. М. Файбусовича) родился в Ленинграде, вырос в Москве. Учился в Московском университете, на последнем курсе филологического факультета был арестован, получил 8 лет по обвинению в антисоветской агитации, отбывал наказание в Унженском исправительно-трудовом лагере. Позднее окончил медицинский институт, работал врачом, кандидат медицинских наук. В связи с участием в Самиздате был вынужден покинуть Советский Союз и поселился в Германии. Живет в Мюнхене.

Париж и всё на свете

I

...Итак, я поселился «на Холме», à la Butte, как здесь говорят; когда вы бредёте от бульвара Клиши вверх по улице Лепик, мимо мясных, овощных, рыбных лавок, мимо выставки сыров, киоска с газетами всего мира, кондитерских, кафе, китайских ресторанчиков, по узкому тротуару, где теснится народ, но никто никого не толкает, где играют, сидя на корточках, дети, где какая-нибудь девушка вам улыбнётся, не думая о вас, где торчат такие же бездельники, как вы, где звучит стремительная речь, где журчит смех, – и дальше по улице дез-Аббесс, мимо кафе «Дюрер», мимо какого-то русского ресторана, мимо книжного магазина, где вам зачем-то понадобился «Le Disciple» забытого Поля Бурже и вы лавируете между стопками книг на полу, и вниз по дез-Аббесс, и снова вверх, и поворачиваете к Трёх братьям, попадаете на маленькую площадь, к дому-пристанищу поэтов, художников и актёров со смешным названием Bateau-Lavoir, что можно перевести как Корабль-умывальник или Мостки для полоскания белья, – кто тут только не побывал, здесь ошивались Ван Донген, Хуан Гри, Модильяни и толстая муза Аполлинера Мари Лорансен, Пикассо писал здесь «Авиньонских барышень», – когда вы снова каким-то образом оказываетесь на улице Лепик, которая кружила следом за вами, и опять вверх, и опять вниз, – то кажется, что вы, как землемер К. до замка графа Вествест, никогда не доберётесь до Холма в собственном смысле, хоть и видите его над домами то там, то здесь, в перспективе тесной улочки, за купами деревьев, – и вот, наконец, остановка: крутая, с многими маршами лестница. Минут двадцать займёт последнее восхождение. Или вы можете встать в очередь перед фуникулёром. Или подойти вплотную по верхним улочкам Монмартра. Теперь она вся перед вами: полуроманская, полувизантийская, с белыми, круглыми, как сосцы, продолговатыми башнями-куполами церковь Святого Сердца, Sacré-Coeur. С крыши портала два всадника, король Людовик Святой с крестом и Жанна д'Арк с поднятым мечом, взирают на весь Париж.

II

О Париже сказано всё, как о любви – всё, что можно сказать; и в Париж приезжаешь, как будто возвращаешься к старой любви. Даже тот, кто окажется здесь впервые, почувствует, что он уже был здесь когда-то. В других городах ощущаешь себя пришельцем, гостем, паломником, туристом; в Копенгагене, волшебном городе, чувствуешь себя туристом; во Флоренции чувствуешь себя гостем. В Венецию приезжаешь, чтобы увидеть Пьяцетту в вечерней мгле, зыбкие воды и тусклые отблески дальних огней, и почти невидимую в темноте громаду Святой Марии Спасения по ту сторону Большого канала, проплыть, отдавая дань ритуалу, по ночным водам в чёрной лакированной гондоле, вспомнить всё, что было читано, слышано, увидено на экране, – и остаться гостем. В Чикаго, с его downtown, чья красота и величие превосходят воображение европейца, с огромным, как море, озером Мичиган, с молниями автострад, уносящихся к бесконечно далёкому горизонту за сплошными, во всю стену стёклами ночного затемнённого кафе на девяносто шестом этаже небоскрёба Хенкок, – говорят, оттуда видно четыре штата, – в Чикаго, хоть ты и бываешь там чаще, чем в Москве, остаёшься чужестранцем. И, покидая Венецию, покидая Чикаго, думаешь: когда-нибудь приеду снова. Простившись с Парижем, тотчас начинаешь скучать. Тосковать – по чему? Невозможно сказать. Да всё по тому же: по мрачной башне Сен-Жермен-де-Пре на перекрестке искусств и литературы, sacrefour

des lettres et des arts, как кто-то назвал его, – с недавних пор здесь красуется табличка: «Площадь Сартра и Симоны де Бовуар», славная чета сживала в кафе Флор, в двух шагах отсюда, – по вовсе не знаменитому маленькому кафе напротив старого дома на углу улиц Бюси и св. Григория Турского, где я прожил однажды шесть счастливых дней, куда заворачиваю каждый раз, каждый год. По набережным Левого берега, по шкафам, лоткам и стендам букинистов – кто только не рылся в них, – по Мосту искусств и Новому мосту, который на самом деле самый старый, ему без малого четыре века. В Париже мы все жили ещё прежде, чем там оказались. Что это: свойство парижского воздуха или заслуга французской литературы?

III

Париж не меняется – по крайней мере, так утверждает молва, – и не потому ли, что этот город, как никакой другой, наделён способностью принять тебя как своего. Не зря он был назван столицей девятнадцатого века, и, в самом деле, можно лишь удивляться тому, что всё в этом городе существует по сей день: и крутые крыши с мансардами, и дома без лифтов, и скрипучие лестницы, и окна до пола, наполовину забранные снаружи узорными решётками. Дешёвое барахло, вываленное из магазинов прямо под ноги прохожим, розы, попрошайки, старики на скамейках – всё как встарь, город давно смирился со своей ролью быть ночлежкой великих теней, огромным словарём цитат, и всё так же течёт Сена под мостом Мирабо, с которого некогда смотрел на воду поэт, дивясь тому, что всё ещё жив, и высоко вдали непременно Монмартр с сахарной головой Святого Сердца. Я прекрасно понимаю, что и то, о чём я говорю, – повторение сказанного тысячу раз.

Ах, поздно мы проторили сюда дорожку. В Париже нужно жить в юности. В Париж нужно приехать, чтобы сделать его органом своей души, а не только частью наскоро усвоенной культуры; нужно сделать так, чтобы всегда, как память о собственной жизни, стояли перед глазами эти мосты над рекой в солнечном тумане, эти дворцы и площади одна другой краше: Старый Париж – город архитектурных ансамблей, куда ни повернешь, повсюду эти изумительно продуманные, стройные, разумные и прихотливые свидетельства градостроительного гения, которые примиряют тебя с историей, заставляют верить, что труд поколений не пропадает даром.

В одном стихотворении Арагона говорится, что птицы, летящие в Африку из Северной Атлантики, опускаются, как на протянутую руку, на территорию Франции. Очертания страны напоминают ладонь. Франция открыта двум морям. О двух этнических фондах, образовавших нацию, кельтском и романском, писал Андре Зигфрид ещё каких-нибудь полвека назад. Сравните портрет нормандца Флобера – короткая шея, широкое мясистое лицо и вислые усы старого галла – с физиономией узколицего аскета с впалыми щеками, уроженца Бордо Франсуа Мориака, вы увидите два характерных французских типа. Но сегодня, глядя на толпу в парижском метро, где каждый четвёртый – выходец или сын выходцев из стран бывшего Французского Союза, потомок и представитель чёрного человечества, для которого не существовало Греции, Рима, Средневековья, Ренессанса, Нового времени, Революции, думаешь о том, что к двум фондам нужно добавить третий, африканский, что здесь происходит рождение новой цивилизации, о которой сегодня мы ничего не можем сказать, и городу предстоит разродиться ею и выдержать ее натиск.

IV

Бродить по городу, сидеть в парках, заглядывать «в вертепы чудные музеев» – после обеда. Зато с утра, проглотив завтрак (довольно скверный в сравнении с немецкими, австрийскими или заокеанскими гостиницами), мы поднимаемся к себе в номер, мы вперяемся в молочный экран. Не начать ли нам, братие, трудных повестей...

Увы, начинали не раз. Роберт Музиль жаловался, что у него в чернильнице асфальт вместо чернил, а в другом письме сравнивал себя с человеком, который пытается зашнуровать футбольный мяч размером больше, чем он сам, – а мячик меж тем всё раздувается. Нужно отдать себе внятный отчёт, в чём состоит задание. О чём мы, собственно, собираемся поведать миру? Похоже, что записывание мыслей о романе – суррогат самого романа. Графоманский зуд, порождённый страхом перед пустыней экрана.

Написать о том, как некто собрался писать грандиозный роман-панораму своего времени, вместо этого он пишет о том, как этот роман не удаётся. Ибо время ненавидит таких, как он. Написать роман о писателе-отщепенце.

Написать роман о сером, неинтересном человеке без имени, без биографии, без профессии, без семьи, о человеке, которого только так и можно назвать: *некто*. О субъекте, чья бесцветность оправдана лишь тем, что ему выпало стать свидетелем эпохи, враждебной всякому своеобразию, и когда, наконец, он взялся за дело, уселся за компьютер, – он остаётся тем же, кем был: песчинкой в песочных часах. Нет, мы не призваны на пир всеблагих, мы не зрители высоких зрелищ, куда там, – мутный вихрь увлёк нас за собой, скажем спасибо родине, что удалось унести ноги, возблагодарим судьбу и злодейское государство за то, что они оставили нас в живых.

V

Говорят, роман умер. Умер как литературный жанр, опустился на дно, как Атлантида. Это утешает. Значит, дело не только в неудачливом сочинителе. Это даже не новость: покойник умирал не раз. Осип Мандельштам толковал о крушении человеческих биографий в эпоху великих социальных потрясений, что означало, по его мнению, крах европейского романа – «законченного в себе повествования о судьбе одного лица». Натали Саррот (спустя тридцать лет) объясняла, что персонажи классической прозы, пресловутые характеры, – это фикции: реальная человеческая личность неуловима, непредсказуема; судьба вымышленных героев, сюжет, интрига – всё это износилось до дыр; роман, каким мы его знали со времён поздней античности, изжил себя. «Вот почему, когда писатель задумывает рассказать какую-нибудь историю и представляет себе, с какой издёвкой взглянет на это читатель, – им овладевают сомнения, рука не поднимается, – нет, он решительно не в силах».

De te fabula narratur – сказано о нас с тобой, приятель.

И, однако, погребение не состоялось, и с тех пор панихиду по роману справляли ещё много раз.

Роман возрождается, как Феникс, в новом оперении, чтобы умереть в очередной раз. Роман умирает всякий раз после того, как появляется реформатор романа. Мандельштам объявил роман «Жан-Кристоф» последним произведением этого жанра; но Ромен Роллан не был новатором. Зато после Пруста стало в самом деле казаться, что писать романы больше невозможно. Андре Жид в «Фальшивомонетчиках» вновь поставил дальнейшее существование романа под сомнение. Вирджиния Вульф («Миссис Деллоуэй») ещё раз заставила серьёзно задуматься о жизнеспособности романного сочинительства. Автор «Улисса» подвёл под романом окончательную черту. Кафка сызнова закрыл роман. Музиль, оставшись в лабиринте один на один со своим романом-Минотавром, пал в единоборстве, но успел нанести роману смертельный удар.

Король умер – да здравствует король!

VI

Эпоха ставит сочинителя перед вызовом, а сочинитель дрожащим голосом бросает вызов «эпохе». Я подумал, что заметки «по поводу», может быть, столкнут с места мою работу. Писать о том, что проза не вытанцовывается, роман не даётся? Но ведь это означает, что где-то в неведомых далях его персонажи всё-таки живы и машут руками – то ли прощаются, то ли зовут к себе.

Отсюда, между прочим, вытекает, что роман в лучшем случае может состоять лишь из фрагментов. Что такое фрагмент (от *frango*, ломаю)? Обломок чего-то; нечто начатое и брошенное. Но вот появилась эстетика фрагмента, стилистика фрагмента, наконец, филология и даже философия фрагмента.

Это эпоха фрагментарного сочинительства. Это какие-то недописатели, они всё не дописывают. Мерное, последовательное повествование – достояние других времён, когда герой романа был субъектом исторического процесса. Сейчас он только объект истории.

Век миновал, «наш» век, – не хотели бы мы, недобитые жертвы, принадлежать этому гнусному веку! Но что было, то было, и, мнится, время подбить итог. Найти общий знаменатель, соединить диагоналями события, как соединяют линиями звёзды на карте неба. Пусть в действительности светила удалены друг от друга на огромные расстояния – для наблюдателя это созвездие, нечто целое. Скажут, что получается круг, называемый *retitio principii*: задавшись вопросом о характере эпохи, мы тем самым уже исходим из представления о целостной эпохе. Между тем ещё предстоит собрать её по кусочкам, как скелет ископаемого ящера, и Бог знает, получится ли что-нибудь путное из разрозненных обломков.

Самые разные события происходят в одно время, под общим знаком, но лишь годы спустя осеняет мысль о тайной перекличке, о взаимозависимости; эта зависимость кажется объективным фактом. На самом деле она представляет собой умозрительный конструкт. Но ведь именно так пишется летопись времени. Так скрепляются проволокой фрагменты черепных костей, кусочки рёбер и позвонки. Динозавр стоит на шатких фалангах исполинских конечностей. Выглядел ли он таким на самом деле?

VII

От памяти никуда не денешься. Гипертрофия памяти – старческий недуг наподобие гипертрофии предстательной железы. Молодость побеждает агрессию памяти, молодость, собственно, и есть победа над памятью, забвение – механизм защиты; мы молоды, покуда способны забывать. Но незаметно, неотвратимо наши окна покрываются копотью воспоминаний. Отложения памяти, как известь, накапливаются в мозгу. Старение – потеря способности забывать. Вот что это такое. Бессонница воспоминаний. Сидение без сна перед домашним экраном, на котором проплывают очертания материков под мурлыканье космической музыки. На самом деле перед глазами проплывают годы. Мы умираем, раздавленные этим бременем.

Но прежде мы успеваем заметить, что историей правит случай. Словно великий Романист раздумывал, какой сюжетный ход ему избрать, и в конце концов хватался за что попало.

В каждом сюжете скрывается неисчислимое множество вариантов, и каждая страница, как и всякий день жизни, – перекрёсток многих дорог. Куда направиться? Почему отдано предпочтение этому варианту, а не другому? Невозможно отделаться от мысли, что самыми важными поворотами жизни мы обязаны случайности, и не то же ли совершается в истории? Рим (говорит Паскаль) постигла бы иная судьба, будь у царицы Клеопатры нос на полдюйма длиннее. Что мешало военному губернатору Иудеи вздёрнуть на позорный столб уголовного преступника Варавву, а Иисуса помиловать? Последующие века выглядели бы по-иному.

Стрелочник перевёл стрелку, и поезд послушно свернул на другой путь, и вот уже другой пейзаж бежит за окошком, другие станции, другие земли. Тот, кто, подобно историку, смотрит назад, видит много рельсовых путей, все они сходятся к одному единственному пути; но для того, кто смотрит вперёд, веер дорог не сужается, а раздвигается. Лишь одна из многих возможностей будет реализована. Однако и прошлое когда-то было будущим. Всякая история есть всего лишь осуществившийся вариант. Подчас вероятность случиться тому, что не случилось, была ничуть не меньше того, что случилось. Так в старости женщина с сожалением вспоминает о претендентах на её руку, которым она отказала. Вместо этого вышла за какого-то сморчка. Так шахматист раздумывает над проигранной партией, вновь расставляет фигуры и переигрывает игру.

«Жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...»

VIII

Гигантская тень нависла над русской литературой: тень Льва Толстого. Несчастливая уверенность в том, что жизнь нации бесконечно важнее, чем жизнь и участь отдельного человека, настолько велика, что побуждает сочинять народно-исторические эпопеи до сих пор.

Замысел кажется величественным, вдохновляет, окрыляет, а как дошло дело до исполнения... Медуза переливалась красками радуги, пока плыла в воде, стоит её выловить – комок бесцветной слизи.

Произведение, сказал Беньямин, – это посмертная маска замысла. (Das Werk ist die Totenmaske der Konzeption.)

Странно, что никто (по-видимому) не задумался всерьёз, отчего потерпела фиаско эпопея самого знаменитого прозаика наших дней. Замысел был пограндиозней «Войны и мира». Ответ как будто лежит на ладони: идеолог пожрал художника; писателя погребла лавина документального материала; приёмы письма и гротескный слог сделали прозу неудобочитаемой; оставаясь в веригах устарелой поэтики, романист спасовал перед областью действительности, запредельной его жизненному опыту. К этому можно добавить несколько частных неудач и прежде всего неумение создавать женские образы, пробный камень всякого беллетриста. Всё это так. И всё же коренная причина лежит глубже. Фатальной ошибкой была презумпция архаического жанра. Проект всеохватного эпоса, в котором судьба и поступки действующих лиц, будь то царь или крестьянин, купец или революционер, должны выглядеть как отражение истории, был заведомо обречён. Хочешь не хочешь, а роль персонажей становится функциональной. Им незачем оставаться живыми людьми, жить собственной жизнью: они кого-то – или что-то – «представляют». От этой патриотической или антипатриотической роли – злополучной иллюстративности – им некуда деться. Многоосная музейная колесница с паровым котлом, неприспособленная для современных дорог и скоростей, ползла еле-еле и, наконец, стала. В который раз пришлось убедиться, что время монструозных эпопей прошло совершенно так же, как «умчался век эпических поэм».

IX

В третьей главе «Улисса» Стивен Дедалус произносит фразу, которую, должно быть, не раз повторял его создатель: «История – это кошмар, от которого я пытаюсь очнуться». Говорят, Джойс, узнав о начале Мировой войны, сказал: а как же мой роман?

Снова задаёшь себе вопрос, возможно ли связать то, что никак не связывается, найти волшебное уравнение литературы, соединить два времени, историческое и человеческое. Мы оказались в ситуации тотального отчуждения человека от истории. Никогда прежде зловещие призраки Политики, Нации, Державы, Славного Прошлого и как они там ещё называются – не

вмешивались так беспардонно в жизнь каждого человека, не норовили сесть с ним за обеденный стол и улечься в его постель. Никогда человеческие ценности не были до такой степени девальвированы, никогда стоимость человеческой жизни не падала так низко. И, может быть, литература – единственное, что у нас осталось на обломках веры в исторический разум, литература, которая всё ещё отстаивает суверенность личности, литература, последний бастион человечности. Может быть, поэтому роман и остался в живых.

X

Итак, я приземлился в CDG. Аббревиатура, означающая: Шарль де Голль. Огромный аэропорт раскинулся на северо-востоке от города. До Монмартра не так уж далеко. Миновали ворота Ла-Шапель, свернули с бульвара маршала Нея к авеню Клиши, подъехали к устью сбегавшей вниз узкой мощёной улочки, таксист извлекает багаж из багажника. Пятнадцать шагов вверх по улице Толозе, пешком, чемодан на колёсиках, ноутбук в сумке через плечо.

Просят извинения: только что съехал прежний постоялец, в номере ещё не прибрано. Выйдем на улицу в рассуждении закусить где-нибудь рядом. Весенний день, будничная суета, и чувство внезапного счастья от знакомого запаха дрянной кухни из подвальных окон соседнего дома. Счастья вернуться в Париж.

Евгений Чигрин / Москва /

Поэт, эссеист, автор 6 книг стихотворений. Публиковался во многих литературных журналах, в европейских и российских антологиях. Стихи переведены на европейские и восточные языки. Лауреат премии Центрального федерального округа России в области литературы и искусства» (2012), Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2013), Горьковской литературной премии в поэтической номинации (2014), Всероссийской литературной премии им. Павла Бажова (2014), общенациональной премии «Золотой Дельвиг» (2016) и Оренбургской областной премии имени Сергея Аксакова (2017). Является участником многих российских и международных литературных фестивалей. На иностранных языках книги Е. Чигрина выходили в Польше, Украине, Сербии. Живёт в Москве и подмосковном Красногорске.

Привратник солнца

* * *

«...Вчера я жил и только позже умер», —
Он говорит, терзается во сне.
Ночь в чёрной форме, как бригаденфюрер,
Да в змейках света, да в плохой луне,
Которой он выбалтывает душу,
На полуслове обнимает ад
И падает, как ветвь сирени в лужу,
За всё, в чём был и не был виноват.
Воображает, что могло быть хуже,
Да разве может без *неё* дурней?
Когда миры, как сутинские туши,
Поджарены на медленном огне
Воображенья, будь оно неладно.
На бок перевернулся и вздохнул.
...Зелёную отраву муза жадно
Курила сбоку. Заливал абсурд
Его мозги, и призраки стояли,
Переминаясь на пустых ногах,
Как будто смерть от жизни охраняли,
Передавая по цепочке Страх...
Вчера ты спал, и был белее мела:
Размытый кадр, в сиреневом она,
Над нею вилась в нимбе подземелья
Смерть выходного солнечного дня.

* * *

Там, где падает снег, паровозы идут по воде...
Б. П.

Поезда в Поронайске идут по холодной воде,
Проводник поднимает глаза к синеватой звезде,
Машет ручкой составу зимой, а весной поёт,
На любой остановке написано прописью: «Nord».
Твой двойник до сих пор засыпает в зелёном купе:
Сновиденье цветёт, и архангел сидит на гербе
Незнакомомого места и курит чертовский табак,
И мальчишка стоит, точно некий из прошлого знак.
Поронайский состав до Парнаса дотянет навряд:
Отгадать парадиз стало трудно, а выглянуть в ад —
Много проще, чем жизнь чешуёй зарифмованной скрыть,
И архангел вверху продолжает в затяжку курить.

Остановка. Вагон проводник открывает. Душа
Вышла в мятном своём и куда-то идёт не спеша
По воде ли, по суше... Ты выпустил слово. Ты сам
Что-то плёл о таком полуночниках и поездах.
Смотрит ангел-очкарик-двойник-одиночка на юг,
Нет в печурке огня, тот, что бился, отбился от рук...
Паровоз постоит и, заправившись сказкой морской,
Станет слушать опять, как тоскует твой голос живой.

* * *

В пятом, шестом ли, десятом, двенадцатом сне
Старый знакомый советовал: не выходи
Ни за стихами, что тупо сгорают в огне,
Ни за огнями из грустных сердец. Погляди,
Как их костёр оплетает, полена в огонь
Серый привратник гадеса бросает смеясь,
А за окном беспризорный ребёнок ладонь
Тянет за чудом, в котором, как в сказке, пропасть
Можно не в шутку, когда он и сам Муми-тролль —
Маленький зверь, потерявшийся в трудных местах.
Ветер вдыхает кошмар, выдыхает бемоль,
А на поверку выходит иголкой в мозгах.
Маленький тролль... Где-то слышится выстрел: бабáх!
Где твоя мама? И сам я без мамы давно.
Так мы и смотрим в неясных до боли мирах
Белый арт-хаус: в снежинках и мраке кино.
Тут и сказать бы: о чём эта лента, о чём?
Выйти из дома, ребёнка от стужи спасти,
Вымести вьюгу метёлкой, разжиться огнём,
Призраков ночи смахнуть до последней звезды.

* * *

Никуда не уйдёт от тебя зима,
Ибо снег не вокруг, а в тебе опять.
Перепутаны сны, в одеяле — тьма,
Не Мореной, а кем-то другой кровать
Заколдована так, что кошмар внутри
Муравьём огненным атакует стих.
Эти твари пришли из другой земли.
Побледнел от безумия твой ночник.
Это так или вовсе не так, дружок?
Киноварный термит, а за ним другой...
Ну, закрой-ка глаза, ты ещё не плох,
До утра доживается нелегко.
Засыпай. Забывайся. Скрипучий март,
Накрутив циферблат, принесёт хоть что...
Хочешь птиц африканских увидеть, брат? —

Говорит кто-то белый в твоём пальто.

* * *

Настроенье у местного автора – заросли мглы,
Он рассеянно смотрит на выходки бабьего лета,
На лице его – «пофиг»... Заляпаны красным двory,
К лазуриту небес прилепилась янтарная мета...
Вот и бродит один, облака оплетая в стихи,
Постаревшим кустам завещает дары писанины,
Зависая в тени, в депрессняк загружая мозги,
Там открытые файлы: задвижки, нюансы, картины,
И размытые сны, и бессмысленность тайн и забот,
Обернись – не узнаешь сестру, превратишься в дракона,
В дауншифтера, что отпускает свой маленький плот,
Забирается в хостел Европы, твердыш экономя.
Тут бы выручил нас старый кольт или, скажем, ружьё,
Что висит на стене, а точнее, когда-то висело...
Затуманенный взгляд. Вперемешку с листвой вороньё,
Дерева в золотом, в старом свитере мятое тело
Незабывшего мать (скоро восемь, как в землю её...),
Незабывшего, как ослепительны буквы в когорте
Налетающих рифм, я кому говорю, дурачье?
...Фантомасы бабла прокатили в коричневом «Форде».

* * *

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
И. А.

...Нет никого. В июль вкатилась осень,
Закрыло солнце на большой замок,
Две стрелочки свела на цифре восемь...
Три небоскрёба – маленький Бангкок —
Зависли над рекой. Река огнями
Реклам полна. Пространно над водой.
Сновидческая жизнь над берегами
И дальше за холмами темнотой
Нездешней дышит: оплетает слово,
Проводником невидимым молчит.
Глядит луна, равно в аду корова...
Не видно яблок скрытных Гесперид.
Заснуть над книгой слабым и счастливым,
Как будто мёртвый с Книгой мёртвых, но —
Себя приметить бедным и стыдливым
В каком-то обернувшемся «давно».
Заснуть над книгой. Демонов – в камины
Воображенья – как дрова стогать!

В сновидческой играют клавесины
Без музыкантов. Возникает ад,
А может, рай, ещё точнее – воздух
Ворованный... Кто так сказал? Забыл.
Летим с бродягой-ангелом на отдых
К одной звезде в мерцании светил,
С которой мы на связи по смартфону:
Пишу в WhatsApp над грязною рекой,
Под нами Стикс? – почтение Харону
И тётке Смерти с пепельной косой.

* * *

Не спрашивай, откуда осень и
Блуждает кто по жёлто-лисыим листьям,
Дублирует холодные слои,
Читает жизнь по выдуманным письмам...
Вот дерево, что хочет улететь
За птицами в Габон и занзибары.
Слепилась осень – золотая смерть,
Всё шире открывают двери бары,
В них одиноких глаз не разглядеть,
Когда они клонятся над бокалом,
В котором «Баллантайнс» уже на треть...
И кто тогда не выглядит усталым?
Такое вот повторное кино.
А фосфор фонарей – намёк, собака,
Что вышла на болота заодно
С библиотекой сумерек и страха.
«Не подходи к болотам торфяным», —
И мне писал Джеймс Мортимер когда-то...
Теперь лишь космос, то есть аноним
Космический с записками формата
Не финиша. С насмешками в окне
О трёх башках Геката и собака,
В огромном фосфорическом огне
Горят-горят все знаки Зодиака.

Молоко неизвестной силы

«В октябре и демоны пьют глинтвейн», —
Повторял старик, точно это мантра,
Не сумевший выучить «Журавлей...»,
Улетевших в Африку. Саламандра
Одевает тёплое: шкуру-мех
Бестиарий-маркет подкинул твари,
Положи в огонь и – услышишь смех
Мастерской глубин, где плетут кошмары.

Прикоснись слегка – изо рта зверька

Молоко пойдёт неизвестной силы,
И твоё лицо, и твоя рука
Переменит цвет, как в кино вампиры.
Это цирк? Не цирк. Наливай в бокал,
Осуши огонь под оттенки света
Постаревшей лампы, и сам ты стар,
Ничего не слышишь помимо ветра...

В октябре и ангелы пьют вино,
Эликсир небес заливают в глотки.
Молодой старик будто видит дно
Демонизма, а, перерывши шмотки,
Посреди находит очки: вот-вот —
И гляделки тоже деталь у Босха;
Помнишь триптих, где сатанинский крот?..
Что-то, видно, есть в закромах у мозга,

А вернее бы написать — в мозгах,
Спорадически не в ладах со словом...
Всё же осень — это ещё и страх:
Будь к приходу бабы с косой готовым.
Ржавый цвет луны. Рыжий цвет листвы.
Осень жизни и — сорок капель в рюмке.
За окном дома, словно бы мертвы
От покатых крыш до пастушьей сумки.

Жёлто-китайское

Призрак осени спит беспробудно,
Ветер тянет туземную весть,
Облетает с кустов поминутно
Цвета сангрии нежная шерсть.
Прямо в море пикирует жёлтый,
Постаревший востоком дракон,
В лапах зверя живой или мёртвый?
В мертвецах я совсем не силен.
Пасть раскроет и щёлкнет клыками —
Желтоликих накроет лафа,
И проявится над головами
Белый заяц в сетях колдовства.
В ступе зайца бессмертия травы,
Чай Сун Ши, макадамия в пыль
Перемешаны соком агавы,
А над ним облаков монастырь.
...Прямо в море спикировал жёлтый,
Может, синий, как яйца дрозда,
Левый глаз, будто воском натёртый,
В правом ворон кричит: «Никогда!»
...Есть лекарство? Ну есть, но — стащила
Всё бессмертье воровка Чан Э,

В ней расширилась тёмная сила,
Мозг пылал в лазуритном огне.
Превратившись в небесную жабу,
В Лунной Башне пришлась ко двору...
Призрак осени лунную лампу
Просит выдать бессмертье к утру.

Давнее. Островное

...Баклан надрывается в крике тоски,
Трёх малых в долблёнке качают потёмки:
Расставили сети в местах рыбаки,
Всё море Охотское в лакомой сёмге.
Здесь тянутся абрисы тучных равнин
И спит визави колоритный Хоккайдо.
Здесь сопки вбивают в созвездия клин,
Луна закрутила неспешное сальто,
Лучом зацепившись за каменных баб
С японских времён отдыхающих возле
Пернатых, сложивших воде дифирамб,
Бамбука, что слушает шумное море,
Всю азбуку Морзе, циклоны, шторма
И, видимо, потусторонние души...
В лучах маяка островистая тьма,
Вдоль неба расплылись астральные лужи.
Там крутится жёлтых людей колесо,
И тянется в воздухе что-то паучье...
Там с ложечки кормит Мацүо Басё
Луну, чтобы стало в блужданиях лучше.

Пальто

Смотри: зима в личине декабря
Опять детей зацапала с утра
И одарила сахарною пудрой.
Вот так проснёшься, выглянешь в окно —
А жизнь прошла, иллюзии на дно
Легли, как то прославленное судно²,

Где жизнь спадала с каждого лица,
И музыку играли до конца,
И альбатросу не хватало неба.
Так говорю, и – блазнится, что та
Костлявая с косой из-за куста
На автора глядит совсем без гнева:

Скорей индифферентно в смене дней,
А жизнь светлей играющих детей,
И Снежной королеве что тут делать?

² Титаник.

А если тролли в воздухе парят
И зеркало одушевляет ад —
Пошли на три ублюдочную челядь.

Всё как-то легче обмануть себя,
Когда в бокале градус декабря
И день уже как точка невозврата.
Заглянет демон – угощу его,
Не зря смешали это волшебство:
Для привкуса четыре капли яда,

Зато во сне проснёшься молодым,
Захваченный волнением чудным,
И что-то там покажется в природе,
И ты опять в летающем пальто
Идёшь к любви на праздник или до...
Чтоб выпить утро на волшебной ноте.

Андрей Ширяев / 1965–2013 /

Андрей Владимирович Ширяев (18 апреля 1965, Целиноград – 18 октября 2013, Сан-Рафаэль) – русский поэт, прозаик. Член Союза писателей Москвы. Автор «Записок об Эквадоре». Андрей Ширяев родился в Казахстане в 1965 г. Учился в Литературном институте им. Горького на отделении поэзии в семинаре Юрия Левитанского. Начинал карьеру, работая журналистом, артистом, редактором отдела Интернета в журнале Hard'n'Soft, затем главным редактором раздела юмора на портале ПОЛЕ.RU. В начале 2000-х переселился в Эквадор, жил в городе Сан-Рафаэле. Был владельцем эко-ресорта Arcoiris в джунглях реки Напо, левого притока Амазонки. Организатор и ведущий международного конкурса писателей-фантастов «Эквадор». В результате тяжёлой, быстро прогрессирующей болезни, не желая терпеть дальнейшего ухудшения здоровья, покончил с собой 18 октября 2013 года.

* * *

Привычно доедать до последней крошки,
привычно доживать до финальных титров.
Сценарий жизни старой подвальной кошки
достойн девяти уссурийских тигров.

Сценарий лжи. Леплю куличики из ила,
тяну больное, путаясь в алфавите.
Честней, пока не поздно, разлить чернила,
и кинуть грош Харону, и встать, и выйти;

и вновь – по темноте за бессонным стражем,
в окраинном кинозале, в луче экранном,
где мир, подобно мне – короткометражен,
а я – всего лишь пепел над океаном.

* * *

...и сражение роз неизбежно, и злой лепесток
в трансильванскую глушь заскучавшими пальцами сослан,
и неспешно галеры сквозь сердце идут на восток,
погружая в остывшую кровь деревянные вёсла.

Здесь, где кожа подобна пергаменту, падают ниц
даже зимние звёзды и мята вина не остудит,
бормочу, отражая зрачками осколки зарниц:
будь что будет...

Так ли больно тебе, как тебе не умеется знать
об искусстве любви, безыскусный мой, бедный Овидий?
Одиночество пить, как вино, и вином запивать
одиночество в чашках аптекарских взломанных мидий.

Говори мне: кому – я? Зачем я на этих весах?
Кто меня уравнивает с другими в похмельной отчизне?
...а прекрасный восток оживает в прекрасных глазах
слишком поздно для жизни.

* * *

Так и будет. Вымокнет сирень,
сморкнут скрипки, выгорят обои,
и поманит пением сирен
этот мир, покончивший с тобою.

И не хватит воска. А дожди
не способны вылечить от жажды.
Я когда-то вспомню – подожди —
это тело, данное однажды.

Заструится сладкое вино,
наполняя жертвенную чашу,
дух поймет, что так заведено,
и ягненок удалится в чашу.

Тело оправдается строкой;
угадать в любимой Соломею
и познать от рук ее покой
только этим телом и сумею.

Не затем ли в небо нас вели
медленные скрипки на концерте,
чтобы притяжение земли
нам понять, как притяженье смерти,

мне понять, от смерти уходя,
что любовь страшнее и священной.
И последним выходом дождя
оборвать цепочку воплощений.

* * *

Поздним летом в унылой Москве
жар отходит от камня. Кривей
мостовые, грязнее вода
под мостами, чьи грузные тени
проминают поверхность, когда
потускневших пернатых орда
покидает остывшие стены.

Все уходят куда-то на Юг,
к одичалому морю. Поют
нечто странное в странном своем
и почти неподвижном исходе
в облака, в чуть заметный проем,
где и мы, задыхаясь, поем,
покорившись тоске и природе.

Жить в отечном отечестве. Знать
наперед. Обветшалую снасть
обновляя, предчувствовать день,
может быть – не охоты, но – ловли
тощей рыбы в холодной воде.
Не дойти и уснуть на гряде,
приспособив садок в изголовье.

Ты не видишь меня. Для тебя,
в окаянные трубы трубя,
поднимается рать и растут
вертикальные ливни, и волны
прочь уснувшую рыбу несут.
Ты не плут. Ты не выживешь тут.
Я не выживу там. И – довольно.

* * *

В далёкой дали, за орбитами планет
танцует женщина, похожая на свет.
А рядом – там, где сушится бельё,
танцует свет, похожий на неё.

Играет сын, похожий на неё.
Кружится мир, похожий на неё.

Танцует женщина. И на её плече —
танцует космос в тоненьком луче.

* * *

Родившийся под утро ветер тих
настолько, что пустыня – отпустила.
Четырежды ещё взойдёт светило,
четырежды коснувшись рук твоих.

Падёт рассвет и грянут топоры,
блестя белками, кромками блистая,
и галки закричат, изобретая
горбатый ритм, связующий миры.

Осенний воздух наполняет дом,
ведёт меня по лабиринтам комнат.
Но воздуха не хватит, чтобы вспомнить
то, сколько мы не прожили вдвоём.

Не хватит ни вина, ни ворожбы,
ни веры в неземное притяженье,
в смешенье слёз и слов кровосмешенье
в попытке уберечься от судьбы.

И – хватит. Ночь садится на кровать,
на мой кораблик изо льна и луба.
И счастье мне прокусывает губы,
мешая забывать.

* * *

Новая ночь творения. Медленно и легко
тает в моём подсвечнике слепок шестого дня.
В глиняной кружке плещется тёплое молоко.
Ночь в астеничном городе, требующем меня.

Что остаётся, Господи? Вброд перейти поток,
в чьей-то случайной комнате бросить на стол ключи
и, упираясь теменем в скошенный потолок,
долго стоять над пропастью выгоревшей свечи;

в тёмных горстях настаивать пепел и сердоликлица,
сердца и улицы. И доливать настой
взятой в сосуде жидкостью. Выбор не так велик.
Белой, чужой, разбавленной. Красной, своей, густой.

* * *

Светает. Океан перебродил
и двинулся в предгорья – вал за валом.
Движение рыб. Движение светил.
Такая мощь в неспешном, небывалом,
неумолимом празднике воды,
что даже вихрь, косматые следы
несущий вдаль по черепашьим скалам,
притихнет и пополнит легион
гранитных волн.

Я жду восхода. Кончик языка
скользит по раскалённым альвеолам,
лицо обезображено тяжёлым
скупым восторгом, злая тьма зрачка
затягивает радужку – похоже
на полный цикл затмения, на дым,
на стыд, на крик, на угольный мешок...
Ведя сухими пальцами по коже,
я сдерживаю яростный смешок.
Забавно то, что ты меня таким
пока ещё не помнишь. Хорошо,
что ты – не помнишь.

Играет Бах. Пылает кровь. На помощь
небесным скрипкам, воспевая полночь,
приходит нежный утончённый ад
порочного барочного гобоя.
Пифагорейский музыкальный ряд.
Пылающее рвётся в голубое,
и птицы в небе страшно говорят,
и эти капли алые горят,
горят на пенном лезвии прибоя.
Уходят люди – вверх по склонам гор.
Торжественно и горько. До минор.
Качнутся плети высохшей лаванды,
мяукнут ставни, прогоняя сон.

Ныряя под лиловые гирлянды,
ты босиком выходишь на балкон
и видишь, что рыбацкому посёлку
осталось жить, от силы, полчаса,
что бестолку молиться втихомолку
и прятать слёзы, глядя в небеса,
что смерти нет, что ты опять умрёшь,
когда-нибудь, сегодня, и родишься
когда-нибудь – сегодня? – проращёшь

проклонешься, протянешься, продлишься
в чужом прекрасном теле, что другой
начнётся ритм, и отворится дверца,
где вечно бьётся космос, точно сердце —
непостижимый, жадный и тугой.

Я молча наблюдаю за тобой
и помню, что, примерно, через двести
коротких лет вернётся этот сон.
Всё повторится: океан, балкон,
предчувствие утраты, Бах, прибой.
Ты будешь рядом. Мы не будем вместе.
Таков закон.

Свершилось. Тоника, субдоминанта – кода.
Сырой настил, больничный запах йода,
обломки скрипки, пара чёрных слив,
морской травы подгнившие волокна...
Отсюда, светлая, нет выхода. Прилив
стучится в окна.

* * *

Голубка, прощай. Поцелуй на прощанье
горчит миндалём. Протяни мне ладони
звонящими чашами жаркой латуни,
литавами смеха даруй мне прощенье!

Голубка, прощай. Обедневшим вассалом
познаю опалы больную свободу
и где-то за третьим вокзалом забуду
твоё настоящее. Помни весёлым.

Голубка, прощай. Поминай меня лихом.
Я лгал тебе так, что, пожалуй, и не был
с тобой никогда. Холод падает на пол,
на листья, на поле, политое лаком.

Голубка, прощай. Февралём рукописным,
слепым, рукопашным закончится эта
двоим непонятная странная смута.
Ты станешь распутной. Я стану опасным.

Голубка, прощай. На изломе минуты
застывший троллейбус – архангел вечерний,
и ночь твоя через лиловое с чёрным —
две медных монеты.

* * *

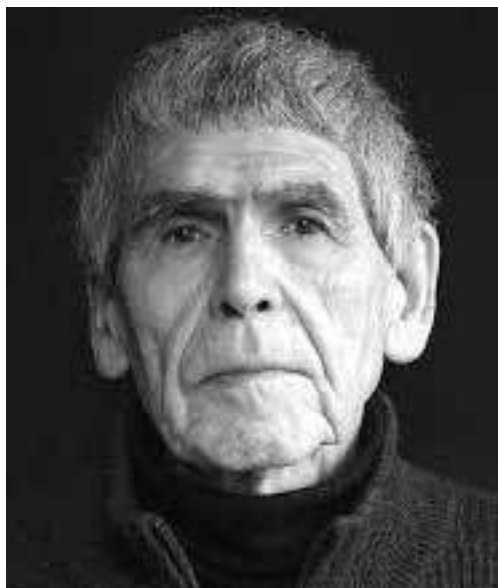
Облако причаливает к горе.
К облаку причаливает самолёт.
Так ли уж важно в этой простой игре,
кто и кого насколько переживёт?

Братское небо, влажная простыня.
Звёзды ложатся в пашню плечом к плечу.
Семя двудольное, космополита, меня,
пусть закопают в космос. Я так хочу.

* * *

Здравствуй, сердце моё.
В нашем сдвоенном ритме – причал
и рыбацкая лодка, и дрозд в облетающей кроне,
и солёный закат, напевающий эту печаль
одинокому чёрному псу на обветренном склоне.
Отпускаю с ладони. Прощай. Говори обо мне
с облаками и городом. Ты замираешь на грани
и, сгорая медовой пылью в кафедральном огне,
рассыпаешься смехом и звёздами в зябком тумане.
Уходи. Каждый шаг от попыток пропеть и прочесть,
каждый шаг до утра – точно плуг, обрубающий корни.
А вокруг пустота голосами летучих существ
что-то сбивчиво шепчет. И плачет – светло и покорно.

Владимир Порудоминский / Кёльн /

Владимир Порудоминский (1928) – писатель, автор многочисленных книг по истории русской культуры. Составитель и комментатор изданий русских писателей-классиков. В отечественной и зарубежной печати публикуются его рассказы и повести, мемуарные повествования, очерки и статьи.

Старик на обочине

Старик сидел на земле, опустив ноги в придорожную канаву, налитую водой после ночного дождя. Вокруг раскинулась побуревшая от долгого зноя степь, полоса дороги рассекала ее надвое. Направо поглядеть или налево, дорога тянулась куда-то до горизонта, и еще дальше.

Давно уже (годов он не считал) старик шел и шел по дороге, как она вела его, не обременяя себя раздумьем, где он есть и куда идет. И всюду на бесконечном пути его встречала война. Поля были истоптаны сапогами, искалечены колесами, деревья и кустарник обглоданы пулями, осколками снарядов.

Солнце припекало, старик чувствовал его плечами сквозь ветхий полушубок, но всё никак не мог унять озноб. Холщевые штаны его были мокры, от дождя или от недержания, и земля под ним была сырая, с ночи.

Ноги у старика болели. На левой и вовсе багровела открытая рана.

Старик огляделся. Место хорошее. Только и есть вокруг земля и небо. Если здесь зароят, будет лежать на приволье.

Вдали на дороге показались трое верхами. Старик, сощурился, высматривал: что за люди. На своем веку он перевидал и обдумал несметное множество разных людей, но пристальное любопытство попрежнему неугасимо влекло его к ним.

Трое приблизились. Под передним, наверно, главным, был серый конь хороших кровей, под другими двумя – лошади простые, крестьянские.

Всадники заметили старика и остановились.

«Кто такой?» – сурово спросил главный.

Его кожаная куртка была перехвачена хорошей офицерской портупеей с большой, тяжелой кобурой на поясе.

«Хожу по белу свету».

В глазах у старика светлело небо.

«И далёко ли ходишь?»

«Земля просторная».

«На что тебе простор? – у главного подергивалась щека: контузия, должно быть. – Тебе и трех аршин хватит».

«Хватить-то хватит, да свои три аршина не сразу сыщешь».

«Это ты не сомневайся. – Главный положил ладонь на кобуру револьвера. – Мы тебе твои три аршина враз определим».

«Это у вас быстро», – согласился старик.

Молодой конник, почему-то в матросской рубахе под солдатской шинелью, выехал чуть вперед и принялся стаскивать висевшую на спине винтовку.

«Из попов, небось? – засмеялся он. – Бородишуту отрастил».

«Погоди, – остановил его главный и снова повернулся к старику: – Какого рода-звания будешь?»

«Звания самого простого – человеческого. Другого вроде бы и не имеется».

«Звание имеется разное, – строго сказал главный. – Красный и белый, буржуй и пролетарий, господа и народ. Так оно по-нашему выходит...»

«Да разве все они не люди? Добрые, злые, хорошие, плохие, а – люди».

«Были – люди, – встрял в разговор третий всадник, чернобородый, в крестьянской одежде. – Были люди, когда с мужика шкуру драли. А теперь – дай нам наше в людях походить».

«И как же это – в людях?»

«Землю, скотину промежду собой поделим поровну, а господ да буржуев – к стенке», – объяснил чернобородый.

«Да отчего же непременно к стенке? Не надоело убивать-то?»

«Нам не убивать никак нельзя, – сказал главный. – У нас с капиталом последний, смертельный бой. Либо мы его, либо он нас. Пока врагов революции не уничтожим до последнего, новую жизнь не построим».

«Вы разве новую строите?»

«Ты что, незрячий? По земле ходишь и не видишь, что вокруг делается».

«Вижу: телега перевернулась кверху колесами, каждый запрягает и волочит в свою сторону. А дорога – вот она. Если телегу опять на колеса поставить да сесть всем вместе, можно мирно решить, по-божьи».

«Я говорю – из попов, – засмеялся молодой в матросской рубаше. – Ишь, стелет!»

«По-божьи народ завсегда в дураках останется, – сказал чернобородый. – А телега твоя, может, и вовсе давно без колес».

«А ты старик – опасный, – дернул щекой главный. – Тебя за твою агитацию расстрелять надо. Да пули жалко: сам долго не протянешь, вон колотит-то всего».

Лошади нетерпеливо переступали ногами. Черные искры дорожной грязи летели из-под копыт...

«Ну, не меня, хоть пулю пожалел», – улыбнулся старик.

«Ты, старик, смотри», – главный похлопал ладонью по кобуре и тронул коня.

«Смотрю...» – отозвался старик.

Он когда-то много думал о смерти как о пробуждении, такое и произошло с ним.

Приговоренный к смерти течением болезни, докторами, близкими, газетчиками (уже и последние слова произнес, которые впору напечатать в любой биографии), он вдруг и впрямь пробудился: откуда-то снова явились силы, и снова всё ему удавалось, – невидимый ушел он от всех, от болезни, от докторов, близких, газетчиков, заполнивших маленькую, прежде неведомую железнодорожную станцию, ныне прославленную тем, что он здесь умирал, и, отныне сам никому неведомый, двинулся в путь по открывшейся перед ним бесконечной дороге. Годы прошли (годов он не считал), и теперь ему суждено быть погребенным на этой дороге, если, конечно, среди прохожих и проезжих найдется добрый самаритянин, который не поленится вырыть яму и закопать его. Говорят, в древности мудрецы завещали хоронить их на большой дороге, чтобы ноги живых, идущих дальше, топтали и разносили по миру их прах. А тут, надо же, всё само образовалось.

...Лихорадка не унималась. Рана на ноге кровоточила. Когда-то, в давней жизни, о которой он почти разучился вспоминать, врачи нашли у него воспаление вен. Ему давали порошки, меняли повязки. Слуга Илья Васильевич возил его по дому в кресле-коляске на высоких колесах. Старик в недоумении покачал головой. Стал вспоминать, когда же это могло быть, но не вспомнил.

В отдалении, в той стороне, куда проехали конные, послышались частые выстрелы. Люди продолжали убивать друг друга.

Наталия Орлова / Москва /

Окончила Литературный институт в семинаре Е. М. Винокурова. Стихи публиковала в разных периодических изданиях, в том числе, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Арион», «Континент». Переводила произведения поэтов Грузии, Армении, Азербайджана, Киргизии, Абхазии, Осетии. Автор ряда статей о поэзии Серебряного века. В 1986 г. в тбилисском издательстве «Мерани» вышел сборник стихов и переводов Натальи Орловой «На синем пороге», в 2004 г. в московском издательстве «Совпадение» была издана её книга «Dolce vita». В 2014 г. в издательстве «Прогресс/Плеяда» книга избранного «100 стихотворений».

Прощание

Ты – не путь, ты – сплошная распутица,
Сам не верящий в это житье.
То, что сбудется, то – и не сбудется
И придет на прощанье твое.

Что хотелось – сбылось оно в почестях,
То, что снилось, – забылось, ушло
И уже не сияет, не хочется,
И не надо писать набело.

Но осталась загадка смертельная
Да оглядка шинельных равнин,
Корабельная выюга недельная
За провалами башенных спин.

Спят леса, заколдованы реченьки,
Ждут глаза, да неслышен ответ.
И сказал бы, да, видимо, нечего,
Нет возврата и – выбора нет.

Читая Тютчева

«Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила...»

А я скажу тебе: «Вернее —
Скрижали жизни переменить,
Взять черепашку-скарабея
И положить себе на грудь.

И снова маленькое солнце
Помчится огненной звездой
И благодарно оттолкнется
От тверди, льдисто-голубой.

И над Землею фараонов,
И над молчаньем русских рощ
Очнется окрик Ааронов
И вседержительная мощь,

И пробужденная планета
Взлетит на звездном ветерке,
А мы-то думали, что это
Нам только снится вдалеке.

Мадагаскар и Запад дикий,
И остров с пальмами, ничей —
Все – узрят Царственные Лики,
Корабль, исполненный очей.

Неузнаваемые лица
Приникнут сладостно к земле,
И всем удастся поместиться
На этом малом корабле.

А Кто вовне мирами правит,
Спасая грезящий народ, —
И Солнце новое – поставит,
И Землю – переназовет».

Обрываются строфы

Обрываются строфы,
И ломается стиль —
Это дней катастрофы
Перевернутый фильм.

Все ушло без остатка,

Покатилось, стряслось...
От бывшего достатка —
Только обод да ось.

Всю планету пробила
Непонятная слизь,
И глядит, как могила
Удивленная жизнь.

Не больничная запись —
Беглый росчерк Чумы,
Нет других доказательств —
Это видели мы.

Сколько умных и смелых —
На свидании с ней —
В одеяниях белых,
В окруженье теней.

Здесь уже не работа,
Не пустой парафраз —
Выносили без счета —
И ложились за нас.

Над мучительной дыбой —
Вместо воздуха – дым,
Вы-то с ними могли бы —
Жить дыханьем одним?

Побратимы, земляне,
Мужики, братовья —
Те, кто в смертном зиянье
Встал за други своя.

Вековая подмога —
Где за брата – медбрат.
Вы, как Ангелы Бога, —
Все вернули назад.

...Подымаются башни —
Небоскребов крестцы —
И – над ямой вчерашней —
Прежних дней близнецы.

Шарада

...Заводов корпуса, и гулкие парады...
Молчание полей, дороги да кресты...
И стынет Мавзолей – под стенами Масады,
С усмешкой переняв наследье Калиты...

Как душен этот день... Пускай пошлют за нею...
Бессчетная родня... Нахлебники да сброд...
Кому нужны они, все эти Хасмонеи...
Их Время принесло... И Время унесет...

Ну вот, уже среда... Пришел Иосиф Флавий...
Опять заговорит, не стану принимать...
Все говорит, что я – кого-то обезглавил...
Еще бы... Как – не я... А кто?.. Ему ль не знать...

А ненадежный Рим – всемогущ и нахмурен...
...Где Флавий? Пусть придет – размыкает беду...
Почили сыновья... Почил веселый шурин...
И Мариамна —
плавает в меду.

Зима 2021

Прокручиваясь в сумерках прогорклых
И встряхивая мерзлые гроба,
Земля с трудом упрятывала мертвых
В пустые ледяные короба.

И длящаяся сутками зевота
Не отпускала искривленный рот,
И множилась, и множилась работа
Горбом неотменяемых забот.

Несли-несли, везли-везли, тащили
И прятали, затапывая снег,
А сумерки – метелями дымили,
И шел возами – уходящий век.

И – в столбняке ночи диаметральной
Стоял, как призрак, помертвелый дым,
И плыл пластами – солод погребальный —
Над сонным берегом, рукавом пустым.

И – на прощанье, на перроне этом,
Проскальзывая между «да» и «нет»,
Стояли перед Светом и Заветом —
В соседстве колосящихся комет.

Утреннее размышление

Но – сосуд беспомощный, скудельный —
Общей радостью – до пьяна пьян,
Что нам – этот туман запредельный,
Мы – крестьяне, мы – дети крестьян.

Нас – лихая беда – не задразнит,
Вековая молва – не сразит,
Мы – не верим, что Солнце – погаснет,
И земля – ничего не родит.

Нам твердят, как угрюмым медведям,
Что чудесное прошлое – дым,
Да ведь мы – никуда не уедем
И тем более – не улетим.

Ведь еще нам – нисколько не поздно,
Разглядев пустоту под собой,
Все принять в этом коробе звездном,
Только уж за него – ни ногой.

А не то – нам прямая дорога,
Пробираясь проселками тьмы,
Достучатся до Господа Бога
И увидеть, что Он – это мы.

Политик

Поет в толпе – щебечущая ложь,
Гремят оркестры, цирки и литавры.
На суд людской – управы не найдешь,
И что ему – заслуженные лавры?

Теперь ему – до смерти засыпать
В объятьях небывалого сиротства
И ни на миг всерьез не принимать
Мгновенного участия или сходства.

Когда Седьмая двинулась Печать,
Кто долго ждал, тот, наконец, дождался —
Земле – в великих родах помогать,
Чтоб пуп Земли – в руках – не развязался.

И вот когда все сделалось всерьез —
От первого призванья – до начала,
И вот тогда все истинно сошлось,
И Время – Вием – пальцем показало.

Он тот, кто дал нам – парус и весло,
Кому б и впрямь – беседовать с богами,
Чтобы ее – в провал не унесло,
В пустой отвал – под нашими ногами,

Кто – не сносил веселой головы,
Был – к Минотавру – добровольно загнан
И – под шумок лепечущей молвы —

Последней безнадежностью оправдан.

Виталий Амурский / Париж /

Родился в Москве в 1944 году. Прежде, почти автоматически, как в анкете, написав эти слова и дату, я совершенно не задумывался о том, что помимо сугубо канцелярской функции они могут нести иной – более глубокий смысл. Сейчас же понимаю – несут. Указывают на принадлежность к тому месту, которое не имеет ничего общего с тем, что называется так нынче. Календарная отметка тому свидетельство. Да, я из того города, который назывался Москвой, но не был (во многом) ни внешне, ни тем более внутренне, схож с нынешней столицей. Да, я из той страны, которой тоже больше нет, разве что природа её, суть её остались прежними. В каких-то случаях это помогает верить в лучшее, в каких-то – наоборот – лишает такой веры, а значит – опоры.

* * *

Подробности минувшего крошатся,
Подобно штукатурке на стене,
И надо бы со старым распрощаться,
Однако же мешает что-то мне.

Так, иногда Тишинку³ вспоминая,
Себя я вижу в кепке набекрень
На фоне декораций, где – пивная,
Площадка волейбольная, сирень,

Звонков трамвайных резкие обрывки,
У газировщиц звяканье монет,
Бензоколонка, школа возле рынка,

³ Район в старой Москве, известный, прежде всего, своим, ныне не существующим, рынком.

Которой, впрочем, как и рынка, нет.

Печалюсь ли? Нет, в общем-то, нисколько.
Скорее, лишь осадок на душе,
Ведь из обрывков тех, из тех осколков
Единый мир не воссоздать уже.

Не так уже щедра и многолика
Была в нём жизнь и воля – уцелеть,
И те, кто жили в нём – почем фунт лиха
Не спрашивали, зная о цене.

* * *

Снежок предновогодний серебристый
Привиделся недавно мне опять,
Такой же чистый, как при декабристах,
Когда ещё темно, лишь стыдно спать.

Казалось, жизнь спокойна, как оазис,
Была в пространстве том без берегов,
Но в ней с ума сходил Валерий Тарсис,
Безумствовал Аркадий Белинков.

В ней тьма скрывала Аржака и Терца,
А перед вольным словом чуя страх,
Поэта именуя отщепенцем,
Над Бродским измывалась власть в «Крестах».

Определивший время то застойным,
По-своему был прав, возможно, – да...
Но для меня оно с чуть слышным стоном
Слилось, таким оставшись навсегда.

И вот опять, как будто в свете лунном,
Что просочиться в комнату сумел, —
Перед глазами: «Чаадаев», «Лунин»
Из серии тогдашних ЖЗЛ.

Карантин 1830-го года

И снова Пушкин, Болдино, холера,
Да и к Москве зараза подползла,
Но на балах лихие кавалеры
Там кружат дам, как прежде, допоздна.

А он в глуши то пишет, то ладони
К вискам приставив, в думах о себе,
О Натали, о будущем их доме,
О полной неизвестности судьбе.

Иль, оседлав коня, летит куда-то, —
Не в гости по соседству, просто прочь,
И гулко бьют копыта листьев злато,
Что ветром намело из ближних рощ.

Потом отчёты скучные листает,
Смолкает, слыша слово «карантин»,
Не думая, что это время станет
Прекраснейшим из прожитого им.

Как, впрочем, знать, из Рая или Ада
Выглядывают звезды по ночам,
Случайно ль рядом с ним и «Илиада»,
И книжка со стихами англичан...⁴

О, щедрая на яркость красок осень —
Мозаика разрозненных картин!..
Но задаюсь я лишь одним вопросом:
Что, если б не тогдашний карантин?..

* * *

«Москва! Как много в этом звуке...»
Пушкин

Какая разница, что Кремер и Бешмет
Играют там, а Пушкин в бронзе прежний,
Ведь города бывшего больше нет, —
Исчезли те дворы и те скворечни.

Понятны перемены, только я,
Прикидывая ворох чувств навскидку, —
Не в силах на брусчатке у Кремля
Представить искромётную лезгинку.

* * *

Памяти Бориса Клименко

На Владимирской горке не встретимся,
Сквозь вечернюю бирюзу
Не для нас огоньками засветится
Даль, раскинувшаяся внизу.

⁴ В то время в Болдино у поэта среди личных вещей были книги: «Илиада» Гомера в переводе Гнедича, сборник английских поэтов-романтиков Мильмана, Боулса, Вильсона и Барри Корнуолла, изданных в оригинале в 1829 году в парижском издательстве A. And W. Galignani. Принято считать, что включённая в него драма Вильсона «Город чумы» вдохновила Пушкина на создание «Пира во время чумы».

Но с Монмартра глядя на крыши
Сероватые, как зола,
Вспомню я о тебе, и увижу
Русь, что Киевскою звалась.

Та, где нынче слепые, ярые,
Как из лет, что не знали мы,
Свистят стрелами кудяровыми
Ветры с северной стороны.

А восточнее, очумело
Над озябшей землёй кружа,
Стаи птиц, антрацита чернее,
Режут воздух острей ножа.

* * *

Живя вдали, страны своей лицо я
Эпохи девяностых знаю мало,
Но то, что высветлялось в песнях Цоя,
Сомнений у меня не вызывало.

Бывало, не умел понять толково,
Куда идёт отечество, качаясь,
Лишь убеждался, слушая Талькова, —
Оно в беде, однако не скончалось!

Под северо-восточным ветром острым,
Сознание надеждами лелея,
Следил, как там развенчивали монстров,
Горгульями смотревших с мавзолея.

Сейчас, увы, ни тех надежд, ни веры, —
Лишь горечь, что нельзя вернуть обратно
Ни в Петушки уехавшего Веню,
Ни рыбаковских мальчиков с Арбата.

* * *

Как же память нас с минувшим спарила, —
Думаю, смотря фотоальбом, —
Но не лучше новое, чем старое
(Я, понятно, тут не о любви).

Впрочем, в дни, что нынче непогожие,
Не забыл – хватало их и там,
Разве ж были мы тогда моложе
И ещё привычны к синякам.

Игорь Шестков / Берлин /

Игорь Шестков (Igor Heinrich Schestkow) родился, вырос и жил до эмиграции в Москве. После окончания МГУ 10 лет работал в НИИ. Занимался самообразованием, рисовал, в восьмидесятых годах участвовал в выставках художников-нонконформистов. В 1990 году выехал как турист в ГДР и на родину больше не вернулся. Живет в Берлине. Пишет рассказы и эссе по-русски.

Нордринг (отрывок из готической повести)

Жил я тогда в блочном доме в берлинском Марцане. Была у меня соседка по лестничной площадке, Дорит Фидлер. Тихая такая, неприметная женщина. Бывшая гэдээровка. Не высокая, но и не коротышка, не толстая и не худая.

Сколько лет ей было, когда я впервые ее увидел, – не знаю, может 55, а может и 60, но выглядела она на 42.

Ходила, гордо запрокинув голову.

Короткая стрижка. Брюнетка. Седые пряди.

На ее узком лице застыла вечная улыбка, как это бывает иногда у продавщиц, работников похоронных бюро и педиатров.

Взгляд как бы удивленных карих глаз спокойный, уверенный... но с непонятным темным огоньком.

Я говорил ей при встрече: «Халло!»

Старался, по так и не изжитой привычке мачо, вложить в это слово особый интерес.

Она отвечала сухо и кратко. Халло.

Легкий звук падал и исчезал.

После смерти мужа она жила одна в четырехкомнатной квартире.

Другая моя соседка, все-про-всех-знающая энергичная толстуха рассказывала: «У Дорит дома – идеальная чистота. Наверное, убирается все время. Ни пылинки, как в операционной. Кухня умопомрачительная, на стенах – фотографии породистых лошадей. В гостиной крест черный с мертвой головой. Книжки про НЛО и Атлантиду. Бюст Одина с двумя воронами. В спальне – драконы китайские бумажные на веревочках. И везде – горшки с цветами. Бегонии. Всех видов и оттенков. Красиво, но... как будто не по квартире ходишь, а по оранжерее. Или по кладбищу поздней весной».

...

Мы, хотя и жили дверь в дверь, не общались, как это и принято в большом городе. Я занимался своей писаниной, боролся как умел с различными хворями, а госпожа Фидлер жила жизнью молодящейся, не унывающей вдовы. Играла в теннис на платном корте неподалеку, учила английский язык на курсах, регулярно плавала в бассейне, посещала берлинское общество оккультистов «Черная лампа», принимала у себя любовника и гостила все лето в его загородном доме, окруженном ореховыми деревьями и виноградниками, где-то под Дрезденом, – все это поведала мне все та же толстуха...

Даже лифтом не пользовалась, спускалась и поднималась на седьмой этаж пешком.

Друга госпожи Фидлер я ни разу не видел, не пришлось.

Толстуха описывала его так: солидный господин из Штутгарта, высокий и богатый. Вдовец. После объединения Германии купил недвижимость на Востоке. Владелец конного завода. Не иначе как колдун. Приезжает на своей шикарной черной БМВ и забирает нашу Дорит с собой. Кажется, они учились в одном классе в провинции, и она была его первой любовью. Друг в друге души не чают.

Толстуха завидовала фрау Фидлер и не скрывала этого.

– Да, завидую. Потому что она – старая, а здоровье и фигура, как у молодухи. Потому что у меня нет богатого любовника с БМВ и призовыми лошадьми. Меня никто не любит, кроме моих крошек...

Крошками толстуха называла своих несносных померанских шпицев, при каждой встрече истошно меня облаивающих и норовивших укунить за ногу.

...

Так мы и жили – параллельными жизнями пять или шесть лет. Со стороны квартиры фрау Фидлер не доносилось ни звука.

А несколько недель назад до меня вдруг дошло, что я давно не видел мою соседку. Случилось это в ванной комнате. После того, как я побрился и зубы почистил. Я посмотрел на себя в зеркало и подумал: «Давно не видел госпожу Фидлер».

Ну, не видел и не видел. Может быть, переехала.

А несколько дней назад опять встретился с толстухой. Она сажала розы на газоне. А шпичи были к ограде привязаны. Поздоровался и заговорил о нашей соседке. Та отвела взгляд, три раза копнула землю тяпкой и сказала: «Ты не знаешь? Она умерла года полтора назад. Заболела. Легла в больницу. Домой не вернулась. Похоронили ее в Грайфсвальде. А квартиры стоит не тронутая, потому что наследница, дочка, не хочет разбирать вещи, выбрасывать, ремонтировать. Только бегонии сложила в огромный синий мешок и увезла куда-то. Может, выкинула... Любовник, понятное дело, пропал, может, тоже умер... Да, так все и кончается на свете. Кому мы нужны, мертвые? Могильщикам да червям. И кого теперь тревожит, знала она английский или нет... Нам с тобой тоже не долго осталось небо коптить».

Толстуха любила порассуждать о тщете человеческой жизни и о неминуемом конце.

...

Меня, признаться, известие о смерти соседки не расстроило. Только кольнуло что-то в горле. И моргать захотелось почему-то.

– Ну, умерла и умерла, что теперь делать? Все умрем. А дочку ее я прекрасно понимаю. Вещи матери выбрасывать – все равно что второй раз хоронить. Мучение.

Постарался поскорее выкинуть госпожу Фидлер из головы.

– Все и так паршиво. Начну рассусоливать да размазывать, – раскисну. Я себя знаю.

Вроде бы, получилось.

А вечером, в постели, в полусне, задумался о соседке. Представил себе, как она лежит в гробу... а гроб стоит на сцене, на столе... позади стола – черный крест... в зале публика, все нетерпеливо ждут кого-то. Меня?

Бывает так, начинаешь вдруг думать о том, о чем думать вовсе не хочешь. И думаешь, думаешь. Какая-то неведомая сила возвращает и возвращает неприятные мысли в голову, заставляет концентрироваться на том, от чего хочешь поскорее избавиться. И это противоестественное возвращение, и концентрация, и картинки, которые как бы назло нам рисует наше воображение... причиняют боль.

Опять кольнуло в горле.

Ворочался, ворочался, принял успокоительную таблетку. Гомеопатическую.

Но как ни пытался, ни задремать, ни хотя бы перевести мысли на что-нибудь приятное – так и не смог.

Пришлось прибегнуть к крайнему средству. Помассировал член... представил себе голую грудастую блондинку на безлюдном солнечном пляже. Обычно эта пошлая картинка быстро переносила меня в розовый эротический мир, сажала на волшебные качели наслаждения и не отпускала до семяизвержения.

Нет, не помогло, тучи заволокли небо, брызнул дождь, блондинка оделась и ушла с пляжа, подрагивая от холода и превращаясь в мою умершую жену, качели не качались, а ночной домашний мир стал еще темнее и безнадежнее.

В голову лезли воспоминания о кратких встречах с этой женщиной, незаметной госпожой Фидлер.

От уха к уху каталось эхо: «Халло, халло, халло...»

Мне чудилось, что она страстно шепчет мне что-то, но я не мог разобрать, что.

То и дело она приближала ко мне свое лицо, как будто слепленное из стеарина, с приросшей к нему улыбкой. Страшное лицо.

Мертвые, наполовину вытекшие глаза... под пятнистой кожей что-то шевелилось.

...

Мука продолжалась до трех часов.

В четырнадцать минут четвертого... дверь моей спальни неожиданно открылась, и в нее беззвучно вошла нагая женщина.

Покойница! Я сразу узнал и узкое лицо, и улыбку, и удивленные глаза.

Сердце сжалось, в горле закололо.

Женщина подошла к моей кровати, пристально посмотрела на меня, кивнула многозначительно... затем открыла среднюю створку моего платяного шкафа и вошла в него.

Призрак?

Или подавленное желание?

Не успел я об этом поразмышлять, как она опять вошла в спальню...

Подошла к моей постели, поглядела на меня несколько секунд – на лице ее отобразились нетерпение и злоба – и опять вошла в шкаф.

Я слышал, как скрипят ее зубы.

Нашел в себе силы пошевелиться и проговорить несколько слов я только во время шестого или седьмого ее появления.

– Не уходите, прошу.

На ее безжизненном лице проступил румянец. Глаза сверкнули. Губы покраснели.

Она присела на край моей постели. Я откинул одеяло и жестом пригласил ее лечь со мной рядом.

– Хочешь меня, ковбой?

Несмотря на то, что ее голос – даже не походил на человеческий, женский, это был голос неодушевленного предмета, мраморной статуи или манекена, вынужденного выдавливать из себя звуки, я ответил: «Да, моя повелительница».

Откуда-то до меня долетели аплодисменты.

И она легла рядом... а через минуту оседлала меня.

Во время любви я думал о море. Холодном северном море в шторм. Может быть потому, что тело моей партнерши было холодным как лед.

Аплодисменты не утихали.

После оргазма заснул неестественно быстро. Черный мустанг унес меня в свою страну.

Проснулся утром как отравленный... тошнило, тело ломило, суставы ныли сильнее, чем обычно.

Позавтракал через силу, мутными глазами просмотрел новости в интернете и только потом вспомнил о ночном происшествии.

Случившееся представилось мне странным, нереальным...

Списал все на фантазию во время мастурбации.

Что только ни померещится во время печального одинокого секса стареющему мужчине?

...

День пролетел мимо меня как воробей, ничего не осталось в памяти, только нерезкая косая черта в воздухе.

К вечеру я разволновался – а вдруг она опять придет? Не для того, чтобы заняться со мной любовью, а чтобы кровь у меня выпить?

Хотел было повесить крестик и последнюю головку чеснока из кухонных запасов на дверь спальни, но вспомнил корчмаря из «Бала вампиров», рассмеялся и не стал этого делать. Может и зря.

Лег в постель и стал ждать. Перед глазами опять замелькали фигура и лицо покойной соседки. Заснул.

В три часа проснулся, мокрый от пота.

А в три часа четырнадцать минут она опять появилась. Нагая. Вошла в спальню и присела на край моей постели.

Невидимый зал дружно заплодировал.

...

Она приходит ко мне каждую ночь уже три недели.

Каждый раз я просыпаюсь утром... отравленный, с болью во всем теле. В ушах шумит. Все дни напролет ничего не делаю, жду ночи, как наркоман – укола.

Если это продолжится еще какое-то время, я умру.

Пожаловаться мне некому, даже обсудить мое положение не с кем, друзей давно унесла судьба, немногочисленные родные, справедливо обиженные на то и на это, уже годы не отвечают на мои звонки и электронные письма.

Не хочется верить в то, что я спятил или впал в старческий маразм. И к психиатрам идти не хочу. Не верю я этим шарлатанам. Не помогут, только жизнь испоганят.

Решил для начала обратиться к частному детективу.

Пусть покопает, возможно что-то и прояснится. Ведь кроме того, что толстуха мне сказала, я ничего о Дорит Фидлер не знаю. Может, толстуха все врет...

...

Нашел прямо тут, в Марцане, частное детективное агентство «Аргусово око»... Позвонил, представился.

– Приходите прямо сейчас, господин Сомна. Ваш номер – тридцать пять. Назовите его на входе. И ждите в зале ожидания. Вас вызовут.

Пришел.

На вывеске, рядом с входом в башню, в которой находилось агентство, был изображен огромный глаз. Глаз грозно и бессмысленно смотрел в пространство.

В просторной, хорошо освещенной комнате сидели мужчины. Чем-то похожие на меня. Немолодые, испуганные, обескураженные, люди с серьезными проблемами.

Подумал: «Неужели и к ним приходят по ночам покойницы?»

Посмотрел на них повнимательнее, и отогнал эту мысль. Скорее – это обманутые мужья. Жертвы шантажа или моббинга. Не получившие наследства наследники...

Вызывали нас по номерам. Через десять минут меня принял маленький плотный человек, почти лилипут, лысый, спокойный, с большими руками и колючими бровями. Энергичный и самоуверенный. В небольшой комнате без окон, на стенах которой висели фотографии каменных истуканов с острова Пасхи.

– Ломан. Частный детектив.

– Очень приятно. Антон Сомна.

– Чем я могу быть вам полезен?

– Видите ли, мое дело не совсем обычное... не знаю, с чего начать. Мне хотелось бы узнать все, что можно, об умершей женщине, моей бывшей соседке.

– Понимаю. Поверьте, тут все дела – необычные. Не стесняйтесь, расскажите мне все, что о ней знаете. Если вы не возражаете, я запишу ваш рассказ на диктофон. После окончания расследования все записи уничтожу.

Я не возражал.

Рассказал ему все. Разумеется, о главном умолчал.

– Господин Сомна, у вас не было близких отношений с вашей соседкой? Извините, я должен это знать.

– Нет, ничего подобного не было. Я видел ее за то время, что живу в Марцане, может быть, семь или восемь раз. В нашем подъезде. Мы не разговаривали даже. Только здоровались.

– Для чего же вам нужны сведения о чужой, практически незнакомой женщине?

– Я автор. Начал писать новый роман, прототипом для главной героини которого, так уж получилось, стала моя умершая соседка. Мне нужен материал... нужны подлинные факты ее жизни.

– А придумать не хотите?

– Придумывать все равно придется. Но, чтобы убедить читателя, заставить его сочувствовать героине, нужно что-то непридуманное... фундамент... Нужна правда.

Детектив посмотрел на меня скептически. В глазах его читалось недоверие. Он слишком хорошо знал людей.

– Вы существенно облегчили бы мне задачу, если бы рассказали все, я подчеркиваю все, обстоятельства дела. Но вы, я вижу, пока к этому не готовы. Что же... идите в кассу и заплатите 800 евро. После этого возвращайтесь сюда, и я кратко расскажу вам о том, как будет проходить наше небольшое расследование. Касса этажом выше. Лестница слева. Не забудьте взять квитанцию.

...

Заплатил. Кассирша посмотрела на меня сочувственно. Прошептала: «Держитесь!»

Неужели знает? Или у меня на лбу все написано? Огненными буквами.

Деньги у меня с собой были, потому что интернетная реклама «Аргусова ока» предупредила: «Только за наличные. От двухсот евро в день».

После того, как господин Ломан осмотрел квитанцию, тон его смягчился, взгляд подобрел.

– Для начала я обращусь в муниципалитет и проверю, жила ли действительно указанная вами персона рядом с вами, умерла ли, где и когда похоронена. Не было ли проблем с наследством. Постараюсь достать копии заключения врача и свидетельства о смерти. Загляну на кладбище, проверю могилу. Потом пойду в полицию и узнаю, есть ли у них досье на вашу соседку. Затем найду дочь и побеседую с ней о матери, обыщу ее квартиру. Затем займусь любовником. Посещу конный завод под Дрезденом. Расспрошу хозяина о школьных годах госпожи Фидлер. В пятницу, 24 января... жду вас тут в десять часов утра. Покажу то, что нарыл, а вы решите, достаточно ли вам «правды». Более серьезное погружение в жизнь вашей соседки потребует долгой кропотливой работы и будет вам дорого стоить.

– Как вы все успеете за четыре дня?

– У меня есть свой самолет. А погода, как вы видите, стоит превосходная. Сухая и ясная. Хм... сдается мне, господин Сомна, что вы ждете от меня не посещения кладбища и разговора с дочерью. Последний раз призываю... расскажите мне то, что тревожит вас на самом деле, что заставляет небогатого малоизвестного писателя (извините, мы навели справки) платить 800 евро за... заведомо бесполезное расследование.

У меня опять кольнуло в горле.

– Вы догадались, почему я тут?

– Полагаю, да. Последнее время подобные случаи участились. Мир гибнет.

– Тогда прошу вас, не мучайте меня, выполните свою работу, может быть, вы найдете что-то, что позволит не только объяснить то, что происходит со мной, но и как-то противостоять этому. Имейте в виду, вы, возможно, тоже столкнетесь с тем, с чем я сталкиваюсь сейчас каждую ночь.

– Понял вас. Ну что же, постарайтесь продержаться до пятницы, а за меня не беспокойтесь, у меня есть карманный протонный ускоритель.

И детектив Ломан шутливо изобразил охотника за привидениями из известного фильма восьмидесятых годов.

В эту ночь она опять появилась в моей спальне.

Прохрипела своим страшным голосом: «Зря ты впутал в наши дела этого смешного гнома из агентства. Он тебе не поможет, ковбой. Никто тебе не поможет. Не хочешь покататься на своей гневной лошадке?»

Раскрыла покрытые трупными пятнами бедра и с силой притянула меня к себе...

...

В пятницу...

В кресле Ломана сидел другой человек. Одет он был как католический священник. В черную сутану с фиолетовыми пуговицами.

Сухощавый, узкоплечий.

Породистое, умное лицо. Очки, как у Германа Гессе.

Он говорил, как бы посмеиваясь... кривя тонкие бледные губы.

– С прискорбием должен сообщить вам, что наша фирма понесла тяжелую потерю. Вчера вечером во время полета из Дрездена в Берлин погиб один из наших лучших сотрудников, детектив Ломан. Самолет его по невыясненной пока причине врезался в средневековую башню. Возможно попал в турбулентность. Или гидравлика отказала. Смерть наступила мгновенно. Все его записи, фотографии и другие документы – сгорели. Агентство вернет вам заплаченные вперед деньги.

Человек в черной сутане вежливо поклонился и вышел из бюро. А я поплелся в кассу.

Жалко старину Ломана. Не знаю, что с ним произошло, но подозреваю, что покойная госпожа Фидлер нанесла ему визит в кабине самолета.

Интересно, в какую башню он врезался. Неужели в ту, старинную темную башню, рядом с которой синее озеро, в котором отражается облако?

Вышел на улицу в расстроенных чувствах.

Самолет, башня, бегонии, черный крест, Один, могила в Грайфсвальде, детектив Ломан, мертвая госпожа Фидлер, охотники за привидениями, блондинка на пляже, священник в черном и аргусово око... все это смешалось в голове в пестрый ком, и ком этот превратился в чудовище с огромной плоской треугольной головой... чудовище ревело, постоянно меняло формы и цвета и царапало мне мозги.

Инстинктивно оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на рекламную вывеску детективного агентства – и не удивился тому, что она пропала. Бетонная двадцатипятиэтажная башня высилась в ста метрах от меня во всем великолепии своего уродства.

Решил поехать домой, хотя и предчувствовал, что не увижу больше ни свою улицу, ни наш одиннадцатипятиэтажный дом, ни толстуху с ее шпицами.

К остановке тихо подплыл современный красавец-трамвай, неизменно пробуждавший во мне чувство гордости за цивилизацию. Комфортабельное, вместительное, чистое и очень быстрое транспортное средство.

Вошел и сел на первое попавшееся свободное сидение.

Моим соседом оказался странный человек в темно-вишневом пальто и вязаной шапочке. На ногах его были кожаные туфли, пожалуй, слишком элегантные для Марцана. Тоже можно было сказать и о квадратных очках в темно-вишневой оправе и о перчатках. В правой руке он держал палочку с конусом электрически посверкивающей сахарной ваты, а в левой – серебряное ведерко со льдом, из которого выглядывало золотое горлышко бутылки. Кристалл?

Я отвел глаза от соседа и задумался о своих делах... но через несколько мгновений опять посмотрел на вишневого господина. Сахарной ваты в его руке уже не было – неужели съел? И ведерко отсутствовало. Зато он держал в руках два наполненных до половины узких бокала... один из них он протягивал мне.

– Прошу тебя, Гарри, тебе стоит выпить это. Полегчает.

– Почему вы зовете меня Гарри?

– Потому что так тебя на самом деле зовут.

– Гарри? Гарри кто? Неужели инфантильный Поттер? Трудно представить себе персонажа мерзее! Или Гарри Жестокий, английский пират, или Гарри Кровавый, знаменитый борец с монстрами... Грязный Гарри с пистолетом? Гарри-ангел или Гарри-кусокдерма?

– Выбирай сам, меня это не касается.

– Откуда вы меня знаете?

– Мы давно знакомы.

– Я вас не помню!

– Так написано в сценарии, потому и не помнишь.

– В каком сценарии?

– Меня не уполномочивали все тебе объяснять. Я должен предложить тебе бокал шампанского, а ты должен выпить и сказать: «Баснословно!»

– Ладно, давайте рюмку.

Я выпил и произнес то, что он хотел. Жидкость в бокале заслуживала похвалы. Удивительно приятный вкус.

Издалека слышались жидкие аплодисменты. Какой-то нахал крикнул с галерки: «А мне не предложите рюмочку? Похвалю по-царски».

На этот выкрик мой сосед отреагировал так: «Выпивка и закуски – после второго антракта, ваше величество. Извольте потерпеть».

А мне сказал: «Так-то лучше, Гарри! Ага... что у нас тут дальше? Да, да, как я мог забыть...»

Сосед легонько тряхнул головой, и все вокруг нас изменилось.

Мы все еще ехали в трамвае, одни... остальные пассажиры исчезли.

Трамвай наш покинул знакомый мне мир и мчался куда-то через пустое пространство.

– Куда это мы едем... или летим?

– Мы стоим на месте, это мир вокруг нас летит, летит назад. Через несколько секунд – посадка на Марсе.

Сосед еще раз тряхнул головой... и вот... мы оба уже бредем по красной планете. В серебристых скафандрах... Месим пыль. И переговариваемся друг с другом по радио.

– Вот уж действительно – баснословно. На кой черт вы меня сюда притащили? Что у вас в сценарии – борьба за выживание, поиск ушедших цивилизаций или сражение с роботами?

– Всего понемножку. Вон, посмотри...

Впереди нас сверкала разноцветными огнями громадная футуристическая постройка.

– Это что?

– Чудесное место. Нордринг. Перекресток миров...

– Понятно. Это наша цель?

– В настоящий момент – да. Тебя там ждут.

– Кто меня тут может ждать?

– Не прибедняйся, ты человек известный. Если не ошибаюсь, предпоследняя твоя новелла называлась «Марсианские ликоподы». Так вот, ее прочитали, сочли небезынтересной и... материализовали и оживили все описанные тобой персонажи. В естественном, так сказать, окружении. Тебя ждут для того, чтобы ты сам... выпустил их на волю, перерезал ленточку.

– Простите, но моя книжонка – это всего лишь ужастик, легкое, развлекательное чтиво. Почти что пародия. В какую большую голову пришла мысль материализовать летающих электрических угрей и гигантских демодексов? К тому же существующих только в воображении моих героев, сходящих с ума от радиоактивного излучения.

– Именно, именно, в твоём тексте действуют не только электрические угри, но и астронавты, ученые, специалисты по паранормальным явлениям. Мужчины и женщины. Милые персонажи, надо отдать тебе должное.

– Да, но это условные, упрощенные до функции характеры, облегченные литературные конструкции. Ничего общего не имеющие с живыми людьми. В финале они сами превращаются в чудовищ.

– Не собираюсь вступать с тобой в литературоведческие споры. Вот и двери в шлюз. Входи, не стесняйся. Все, что ты встретишь в этом здании – придумал ты сам. Не забывай об этом! Живи своей мечтой, как завещали древние. А я удаляюсь, адъё, терпеть не могу эти командировки!

Он исчез, а я подошел ко вторым дверям... не дверям, а высоким тяжелым воротам с рельефными изображениями распятых обезьян на левой и правой створках.

Из-за ворот доносились яростное рычание, жалобный визг, чавканье и хруст разгрызаемых мощными челюстями костей.

Ворота медленно открылись, и я шагнул в неизвестность.

Владимир Бережков / Москва /

Владимир Бережков родился 26 февраля 1947 в Москве. Окончил Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина (1978). По специальности филолог. Песни пишет с 1963 г., преимущественно на свои стихи. В 1968 г. стал лауреатом Новосибирского фестиваля авторской песни. В 1987 г. У Бережкова вышла книга «Мы встретились в раю», изданы также одноимённые аудиокассета и компакт-диск.

* * *

Проснись на утренней заре —
Туман выделяет штучки,
Петух горланит кукаре,
Ни облачка вокруг, ни тучки.
Росой покрытый, замер сад,
Но над крыльцом уже висят
Две наглых стрекалки-летучки.

В туман не опуская крыл,
Над речкой тихо ястреб плыл,
Как нарисованная птица,
И солнцем полная луна
Совсем не думала садиться;
Венера к ней прикреплена,
Поскольку ведаёт она,
В какую сторону светиться.

Как чист их отражённый свет —
Уже нигде ни складки мрака,

И петуху поет в ответ
В мажоре верная собака.
Я времени заметил грань
И задержался на крылечке,
Мне хорошо в такую рань
В июле, на земле, у речки.
Чего искал я столько лет?
Какого не хватало знака?
Я сам – как отражённый свет,
Во мне – почти ни складки мрака.

Пахра

Люсе

До лета, глядишь, не помру,
Развеется снежная замять —
И выйду на речку Пахру,
На скрытую ветлами заводь.
Там звуков не слышно других —
Журчанье в древесной запруде;
Там в желтых кувшинках нагих
И лилиях белых, как груди,
Неспешно – ведь все впереди! —
Река, словно девичья шея
Тонка, глубиной до груди —
Затянет меня, ворожея.

Я видел твой плавный изгиб,
Где даже речная крапива,
В которой едва не погиб,
Пышна, зелена и красива.
Там стаи нахальных мальков,
Подплыв к незабудкам небесным,
Глядят, не боясь башмаков,
В открытую синюю бездну.

А к ночи взойдет соловей;
Черемуха в ключьях тумана;
И ветром, слетевшим с ветвей,
Потянет тревожно и пьяно.
Русалка мелькнёт за рекой
Вся в лилиях, белых, как груди...
И если б не снег над Москвой,
Не жёлтый каток мостовой —
Остался бы с нею, в запруде.

1997 – Москва

Кадаши

Осталась церковь в Кадашах,

Где мы компанией гуляли,
В розлив портвейн стаканом брали
И говорили во дворах.
Дома московского ампира,
Канал, вчерашняя вода...
Гремела варварская лира —
Я пел по-своему тогда.
Замоскворецкие цветы,
Осенний палисадник яркий
И церковь тихой красоты,
Где мы во дворике под аркой.

Не замечая дней своих,
Мы ждали будущее наше...
Под кирпичом кремлёвских башен
Оно прошло, и шум утих.
Сегодня истина не с нами —
Мы проворонили года;
Летят окурки именами
В канал, где старая вода.

Тогда и надо было жить!
Кто знал, что дальше будет хуже,
И нам затянет горло туже
Времён связующая нить.
И осеняет лишь теперь
Меня, уехавших, ушедших
Та наша арка, словно дверь
Времен живых и сумасшедших.
1985 – Москва

* * *

Герой арены ломает стены,
Стилист искусно плетёт роман.
Чей голос слышится нам со сцены
И кто диктует в тетрадь обман?
Ему – хватает вчерашней пены,
Она – внимает четвёртым снам...
Но очень редко ангел белый,
А не лукавый слетает к нам.

Сгущает тьма промежутков букв,
Скрывает ритм удар хвоста,
Счастливый автор колотит в бубен,
Перо цепляет узор листа,
Он одержим вдохновеньем тела —
Уже нет дела, чей выдох там...
Ведь очень редко ангел белый,

А не лукавый слетает к нам.

* * *

Зацвёл ручеёк-ручей,
Живая ушла вода,
В землю ушла,
Как не была...
Лей, дождичек, лей!

Я вышел в лес на край болотца —
Какая топь лежит, дыша!
Подземный ключ с натугой бьётся,
Но застревает в камышах.
Не подойти и не умыться,
Но – красота, и запах – мёд!
Большая птица суетится,
Кричит, что знает, зачем живёт.

Зачем, зачем? За тем болотцем
Она живёт, где проскакал
Весной ручей, рождённый солнцем,
Юлил, всё камушки искал.
И я – на берегу излуки
У переставшего ручья...
Шумят слова – лесные звуки,
Их перевод не знаю я.

Зацвел ручеёк-ручей,
Живая ушла вода,
В землю ушла,
Как не была...
Лей, дождичек, лей!

* * *

На станции Тайнинка
По Яузе-реке
Вела меня тропинка,
И шёл я налегке.
И посреди моста я
Застыл, оторопев —
Там диких уток стая
Качалась нараспев...

Как вы сюда попали —
Ведь здесь в реке – мазут,
Трава жива – едва ли,
В кустах – дорожный зуд.

И, поседев от пыли,
Пчела сидит в цветке...
Как вы сюда приплыли
По Яузе-реке?

И я им хлеб бросаю
С бетонного моста —
Но равнодушно стая
Скрывается в кустах.
Их, видно, кормят лучше
Пивные мужики.
По Яузе, по луже
Плывут мои куски.

Река мой хлеб уносит,
Мой хлеб, гляди, не мил!
Не так я что ли бросил,
Да крупно отломил...
Но вот одна склонилась
И хлеб у ней в руке...
На станции Тайнинской,
На Яузе-реке.
1980 – Москва

* * *

Нет проще ничего, нет ничего обычной,
Начало всех начал – звучит он по земле —
Крик боли – этот воздух – сжатый и привычный,
И без него нам как без соли на столе.
Он человеку дан с его дыханьем Богом,
А всё, что не болит – мертво, чем не зови,
Но как бы жили мы на выдохе без вдоха? —
И нам оставлена соломинка любви.

И что нам в дебри лезть и спрашивать ответа —
Прислушайся, гляди – ответ на всех один,
Ведь в каждом что-то есть от солнечного света,
И каждый ищет сам, как этот свет найти.
Я руку протяну – тебе – ну что ж, бывает!
Всё будет хорошо... я, как и все – дышу.
А если что болит – то, значит, заживает...
Соломинка струною – я её держу.

Что дальше судьба нам предложит —
Глоток – я никак не отдышусь!
Оставь мне соломинку, Боже,
Уж я за неё удержусь.
1982 – Москва

* * *

Ах, жизнь – мне заданный урок —
Я до сих пор тебя не сделал...
А ну завтра выйдет срок —
Учитель спросит: «Где ты бегал?».
И я с испугом оглянусь
На тех, с кем мы давно в завале,
И прошепчу, и улыбнусь —
А я не знал, что задавали...
1979 – Москва

Дмитрий Гаранин / Нью-Йорк /

Дмитрий Гаранин – США, Нью-Йорк (также Германия, Баден-Баден). Родился и вырос в Москве в годы брежневского застоя. Окончил МФТИ, защитил диссертацию по теоретической физике. В 1992 эмигрировал в Германию, работал в университетах. С 2005 года – профессор на физическом факультете Lehman College CUNY в Нью-Йорке. Писал стихи в 1978–82 и 1988–89 годах, затем с конца 2012 года. Автор многих книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации: «Крещатик», «Слово/Word», «Журнал Поэтов», «Дети Ра», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Сетевая словесность», «Золотое Руно», «Черепаша на острове», «Мастерская», Антология «70», «Литературная Америка», «Черновик-онлайн», «9 Муз», «Asian Signature» (Индия, на английском).

Деколумбизация

Скоро укажут: евреев отправить в Египет,
в Африку чёрных, а белых – обратно в Европу!
Суд состоялся, коктейль справедливости выпит.
Вещи собрать и грузиться на лайнеры скопом.

Освободим для индейцев простор этих прерий.
Негры в саваннах пускай, что хотят, учиняют.
Всех, кто в «плави́льный котёл» по ошибке поверил,
примет история древнего мира седая.

Тихо поселимся в дальних провинциях Рима.
Игры в рабов и господ поведём на природе.
Бред, что нашествие варваров неотвратимо!
В планах богов повторения не происходит!
Baden-Baden, 7 September 2020

* * *

Ни над чем нельзя смеяться, всё свято.
Под улыбки тонкой кожей – страданье.
Их комфорта строевые солдаты,
если что, под томагавки мы встанем.

Мы усядемся в цепях на галеры —
исторически обиженных свозим.
Принимаем трибунал высшей меры,
что в поддержке озабоченных грозен.

Мы по-прежнему хотим быть полезны —
сознаём всю переломность момента,
по-над краем вулканической бездны
растянувшись полицейскою лентой.
New York, 25 October 2020

* * *

Политкорректно признаться в любви ко всем,
никого особо не выделяя,
не затрагивая остроугольных тем,
и без места, на подножке трамвая

мимо заварухи проехать на голубом глазу,
если что, в кювет незамедлительно спрыгнуть,
сигнализируя «иду на грозу»,
хоть и, в сущности, всё это уже обрыдло.

Быть неукоснительно настороже,
с авиабилетом в кармане, с запасом бензина
для форда, внешне потрёпанного, в гараже,
и с годящейся для снега резиной.

Потому что в сезон революции надо бдить,
ясно видеть, до какого всё доходит до края,
когда те, кому чужда в спасении прыть,
все, как мухи осенние, замирают.
New York, 25 October 2020

Октябрьская песнь

По закону Бернулли в воронке давление падает.
Чуть в трубу затянуло – под ложечкой засосёт.
Половину всех нас это по-настоящему радует.
Долгожданный случился Октябрьский переворот!

Здесь доходчивый рэп нам звучит Аппассионатою,

и воинственной пляски круженье колышет костры.
Собираются в скорый отъезд, кто беспцветьем запятнаны —
жирных пингвинов стаи — как минимум, до поры.

Победителей спор разгорится, кто был угнетённое
и кому надлежит в компенсацию поугнетать.
Пусть на бирже к зиме насовсем побуреют зелёные —
жнём энергию ветра, электрификации мать!

На последние вольты во тьме осветим наши лозунги.
По девичьим ланитам катится мужская слеза.
Интерсекции, вспрянув, пошли друг на друга с угрозами.
Для движенья открыта ухабистая полоса.
New York, 9 November 2020

* * *

Светильник разума угас
И расплодились тараканы
Не догоняют мысли странны
Усатый их иконостас

А мне всё хочется дойти
Куда-нибудь сквозь сон чудовищ
Бредёшь и пьяный пеленг ловишь
В надломе воли и кости

Быть может повернуть назад
Стремясь нашарить пуповину
Склониться головой повинной
Разоблачённый казнокрад

В существование обделён
Самим рождением без согласия
Мне электрическим ненастьем
Покажет молнию неон

И если есть ещё права
Податься ль по цепи направо
Пусть слева курится отравы
Слежались волглые слова
30 November 2019, 6 November 2020

* * *

На обрыве звучанья речи
Раздаёт свои краски осень
И пока всё ещё не вечер
Мы помедлить её попросим

Пусть уходит на слом эпоха
Но не сразу покой нарушат
Нас привычно пьянит риоха
Удивительно сладки суши

Не особо спешат агенты
Распыляя в мозгах отраву
Оцепляя нас красной лентой
И прессуя морально слабых

Дан истории ход обратный
К поворотам она привыкла
Нам грядёт изучать цитатник
Нам костёр пионерский вспыхнет
New York, 3 November 2020

Песнь справедливости

Ты не можешь ничем возразить
Когда властно зовёт справедливость
Это просто как жаждущим пить
Наливаешь раз сердце забилося

К ним сочувствием если ты добр
И тогда не пройдёшь мимо входа
В лучший мир отрицающий вздор
Привилегий твоих и свободы

Распахни же в слепящее дверь
И поддайся весеннему чувству
Будь как все и увидишь поверь
Как точны инструменты Прокруста

Справедливость маячит вдали
И достичь её верное дело
Лишь бы в ногу напарники шли
И ярмо как влитое сидело
New York, 5 November 2020

Dominion

Кладу свой голос на алтарь
Голосовательной машины
То мой народовластью дар
Вдруг он закаркал беспричинно
Внутри побайтно проходя
Рядами странных трансформаций
И будто спрашивал куда
И собирался с кем-то драться

На пыльной тыльной стороне
С трудом нащупав узкий выход
Он появился чуждый мне
И злобой классовою пыхал
Потом завыл через оскал
Кривых зубов заточки острой
И к зиккурату зашагал
На жуткий рёв таких же монстров
New York, 17 November 2020

* * *

За власть бюрократической машины
сражалась рать, где каждый – голова.
Там были все, и белые мужчины
свои низвергли белые права.

И протрубили СМИ победу —
закончен век неравенства, треклят!
Сейчас комфорт придёт реформ по следу,
и только слышно – головы летят.
New York, 21 November 2020

* * *

Заснуть качаясь на весах
Сном разума хотя б на время
Чтоб не накатывался страх
Чтоб не видать пришельцев племя

Средь благодатной темноты
Скрываться от чудовищ стаи
Не слышать рёва тамады
Дремать пока грехи считают

До времени как приговор
Неумолимой формой складен
Объявят честно и в упор
Ты взвешен был и лёгким найден
New York, 6 November 2020

* * *

Не вешай носа пионерка
И галстук на груди не комкай
Как белые подруги ломкой
Пусть не найдёт тебя проверка

И пусть добавят адвокаты
Недостающих привилегий
Тебе для достижения неги
И пропуск для вхождения в страты

Чтобы на сессии коленной
Поднять настрой задорным свистом
Завоевать любовь сексиста
Стать запевалой в жизни тленной

И не теряя ни минуты
Хоть мир-волчок отныне сбрендил
Примерить утром новый гендер
Всех отношений сбросив путы

Царить с корнями вырвав рабство
Политпросвет увидеть первой
И к этой щели тропкой верной
Хоть через тернии продраться
New York, 17 February 2021

* * *

Ещё чуть-чуть, и станет жизнь зелёной.
Через асфальт побеги прорастут.
И красоту не только сквозь айфоны,
а наяву увидим там и тут.

Мы за едой пройдем тропой животных —
законом все уравниены в правах.
Не будет гетто, населением плотных,
и разницы — левак или правак.

А в небесах орлы расправят крылья,
и заповедник дроны обозрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.